

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

ПОВѢСТЬ

П. В. Засодимскаго.

I.

Вечерняя заря тихо догорала. Синія, полупрозрачныя тѣни майскихъ сумерекъ ложились надъ городомъ, надъ опустѣвшей набережной, надъ спокойной, голубой поверхностью рѣки.

Вдоль берега на привязи покачивались лодки, тянулись плоты бревенъ, наполовину раскрытыя барки съ дровами и стоялъ у пристани небольшой пароходъ. Надъ колесомъ парохода значилась полукругомъ надпись черными буквами по бѣлому фону: „Игорь“. Пассажиры уже разбрелись, товаръ былъ сданъ на берегъ,—пароходъ въ послѣдній разъ выпустилъ пары, послѣдній клубъ темнаго дыма вылетѣлъ къ голубому небу изъ его почернѣвшей трубы, и „Игорь“, какъ будто вздохнувъ, наконецъ, съ облегченіемъ, замолкъ. „Игорь“ отдыхалъ и отдыхалъ на немъ его усталый экипажъ.

На передней палубѣ собралась небольшая компанія. Два матроса въ своихъ синихъ блузахъ и круглыхъ шапочкахъ полулежали на полу; кочегаръ съ руками, перемаранными въ сажѣ, машинистъ, необыкновенно угрюмый человѣкъ, со впалой грудью, съ болѣвшими глазами и помощникъ капитана, франтоватый молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ, съ мишурнымъ галуномъ — расположились на связкахъ каната. Какой-то юноша, очевидно, бывшій гостемъ на пароходѣ, сидѣлъ верхомъ на боченкѣ, помѣщавшемся стоймя тутъ же около борта между связками каната.

Юношѣ можно было дать лѣтъ 20, судя по его чернымъ, уже весьма основательнымъ усамъ. Онъ былъ высокаго ро-

ста, худощавъ и неуклюжъ. Лицо у него было овальное, смуглое, загорѣлое, губы довольно пухлыя, тонкій, прямой носъ и большіе темно-каріе глаза подъ длинными, темными рѣсницами, бархатистые, задумчивые. Это худощавое, смуглое лицо поражало не особенной красотой, не "правильностью" очертаній (хотя было не дурно), но выраженіемъ необыкновенной искренности и прямоты. Этотъ молодой человѣкъ, очевидно, не умѣлъ притворяться; все переживаемыя имъ чувства и впечатлѣнія моментально явственно отражались въ его темно-карихъ глазахъ и на его лицѣ, иногда быстро смѣняясь одно другимъ. Такъ въ ясный вѣтряный день бѣжить по полю тѣнь отъ облака... Юноша уже выросъ изъ своего гимназическаго сюртука, и сюртукъ оказывался ему не впору: въ груди былъ узокъ, рукава коротки, талія поднялась выше, чѣмъ слѣдуетъ. Старенькая, потертая форменная фуражка была сдвинута на затылокъ и изъ-подъ нея выбивались короткія, темныя пряди мелко вьющихся волосъ.

Теперь молодой человѣкъ, повидимому, чувствовалъ себя въ своей сферѣ и находился въ самомъ благодушномъ настроеніи духа. Разстегнувъ сюртукъ и покуривая папиросу, сидѣлъ онъ верхомъ на боченкѣ и съ живѣйшимъ интересомъ прислушивался къ разговорамъ пароходныхъ служащихъ о путевыхъ приключеніяхъ.

— Нуромскіе пороги прошли благополучно? — спросилъ онъ.

— Ничего! Ночи-то, вѣдь, теперь свѣтлыя... Вонъ, вѣдь, — какъ днемъ... — отвѣтилъ качегарь.

— А вотъ у Чортова Брода чуть старика не потопили... — мрачно заговорилъ машинистъ. — Среди бѣла дня наскочили...

— Какъ такъ? — съ озадаченнымъ видомъ спросилъ юноша.

— Да такъ... Огибали, знаете, мысокъ, а мужика — то какъ быть на ту пору нелегкая и понесла наперерѣзъ пароходу! — отвѣтилъ помощникъ капитана. — Везъ въ лодкѣ какой-то скарбъ... Остановиться не успѣли, дали свистокъ, да поздно... трахъ! Старикъ — въ воду, и съ лодкой и со всѣми потрохами... Ахъ, чтобъ его!.. Напугалъ до смерти... А потомъ оказалось: старикъ-то глухой, ничего не слышитъ, — ему хоть въ трубу труби... И отчаянный же народъ! Старика на восьмой десятокъ, а плыветъ себѣ одинъ... Не мудрено подъ пароходъ угодить!

— Вытащили? — спросилъ юноша.

— Вытащили! И изъ скарбу кое-что спасли... лодку-то, конечно, повредили... Взыль старикъ... Ну, пассажиры складчину сдѣлали, собрали десятка два рублей...

— А въ прошлую-то весну шиловской „Савва Берюковъ“ какъ бабу-то съ мужикомъ тарарахнулъ!—заговорилъ одинъ изъ матросовъ, попыхивая свою коротенькую трубочку.—Мужика-то спасли, а баба-то, бѣдная, въ платѣ запуталась, да какъ съ камнемъ въ воду... Было дѣло!

— А все жадность! Охота другихъ опередить... да побольше груза набрать!.. Помню, помню! Какъ же... — отозвался молодой человѣкъ, съ сожалѣніемъ кивнувъ головой.

— Да, вѣдь, эти шиловскіе — извѣстные озорники!—сказалъ кочегаръ.—Они ужъ не разъ парывались... Ужъ попадетъ имъ когда-нибудь!..

— Зато ихній-то „Герой“ сколько разъ ужъ на мели сидѣлъ! — съ мрачной усмѣшкой заговорилъ машинистъ. — Каждое лѣто чинять, чинять его, дьявола,—весь въ заплахахъ ходитъ... И этакую-то посудину „Героемъ“ еще называли!.. Гм! Герой!..

— Ужъ это вѣрно! — поддакнулъ помощникъ капитана. Собесѣдники замолкли.

На старинной соборной колокольнѣ сторожъ пробилъ десять часовъ. Мѣрные звуки колокола гулко пронеслись надъ рѣкой и надъ затихавшимъ городомъ... Юноша задумчиво посмотрѣлъ вдаль по рѣкѣ. Тамъ, на востокъ, синія тѣни замѣтно сгущались, и за городомъ, тамъ и сямъ, по берегу были видны красные огоньки, разложенные рыболовами. А на западной сторонѣ небо еще свѣтлѣло надъ городомъ, и въ бѣлесоватомъ, призрачномъ, вечернемъ освѣщеніи были видны обѣ вдаль уходящія красивыя набережныя, дома, утопавшіе въ нѣжной, ранневесенней зелени садовъ, куполы старинныхъ церквей, высокія бѣлыя колокольни и ихъ блестящіе шпили, уносившіеся въ небо.

Прохладой потянуло съ рѣки, а съ берега вѣяло запахомъ тополей и молодого березоваго листа. Гдѣ-то въ саду запѣвалъ соловей.

— А какъ ваши дѣла, Филиппъ Александровичъ? Какъ идутъ экзамены?—спросилъ помощникъ капитана, обращаясь къ гостю.

— Да ничего...—отвѣтилъ тотъ, почесывая затылокъ.—Еще четыре экзамена остались... математика... чортъ!

— А что жъ такое? Это—гроза?—съ улыбкой спросилъ помощникъ капитана.

— Самая настоящая! — подтвердилъ юноша, еще пуще заламывая фуражку на затылокъ. — Алгебра, геометрія... ну, эта еще—ничего!.. а вотъ—тригонометрія, космографія... а тамъ еще—латинскій и греческій...

— Значить, копченые языки на закуску!—съ усмѣшкой замѣтилъ ему собесѣдникъ.

— Хитрое же дѣло—это ученье!—сказалъ матросъ.

— Да, братъ, зубы обломаешь!—согласился его товарищъ.

Затѣмъ разговоръ опять возвратился къ пароходу.

— Рано пойдете?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Въ 5 часовъ первый свистокъ! — отвѣтилъ ему помощникъ капитана.

— Э-эхъ, если бы не экзамены! Закатился бы я съ вами...

— И чудесно бы, Филиппъ Александровичъ! — поддалъ собесѣдникъ. — Стали бы у меня наверху чай распивать... сварили бы уху изъ ершей и окуней... И-ихъ!

Около полуночи компанія разошлась.

Молодой человѣкъ сначала направился по набережной, перешелъ мостъ и затѣмъ углубился въ лабиринтъ узкихъ, неприглядныхъ переулковъ. На мгновенье онъ приостановился передъ небольшимъ розовымъ домикомъ въ три окна и съ довольно крутой, высокой крышей. Старыя, плакучія березы осѣняли этотъ розовый домикъ, печально склоняя надъ самой его кровлей свои жидкія вѣтви. Къ углу дома во дворѣ была придѣлана скворешница съ пучкомъ сухой травы наверху. „Спать“! сказалъ про себя юноша, посмотрѣвъ на темныя окна домика, и зашагалъ далѣе.

Наконецъ, онъ вышелъ на широкую и длинную Московскую улицу и остановился у деревяннаго, двухъ-этажнаго сѣраго дома. На приворотномъ столбѣ—на желтовато-грязной жестяной пластинкѣ значилась черными буквами неразборчивая надпись, полусмытая снѣгомъ и дождями: „Домъ наслѣдниковъ Шатровыхъ. 2 уч. № 18“. Въ нижнемъ этажѣ было темно, а вверху только въ одномъ окнѣ, выходившемъ во дворъ, изъ-за опущенной занавѣски свѣтился огонекъ. Хриплый собачій лай послышался изъ темной глубины двора, когда юноша, отворяя калитку, брякнулъ кольцомъ.

— Плутонъ! Плутонъ! Не шуми!—вполголоса крикнулъ юноша, и въ ту жъ минуту черная, кудластая собака, прихрамывая и дружелюбно помахивая хвостомъ, выбѣжала къ нему на встрѣчу.

Приласкавъ собаку, молодой человѣкъ обогнулъ за уголъ

и, подойдя къ заднему крыльцу, сталъ подниматься по скрипучимъ ступенямъ, а Плутонъ, добросовѣстно справивъ свою сторожевую службу, облаивъ хозяина, снова забрался подъ навѣсъ сарайчика въ глубинѣ двора.

Марѳа — пожилая женщина, съ желтоватымъ, веснушчатымъ лицомъ, заспанная, со всклокоченными волосами — съ ворчаньемъ отперла дверь и, хотя безъ лая, но не столь дружески, какъ Плутонъ, встрѣтила молодого человѣка, не преминувъ высказать вслухъ нѣсколько резонныхъ, но весьма не лестныхъ замѣчаній по адресу „полуночниковъ“.

— И что это, Господи помилуй, за порядки такіе нынче пошли! — брюзжала она. — Чѣмъ бы спать, либо хорошенько урокъ твердить, а онъ вонъ — шляется, шляется.. И гдѣ только его носить до такой поры! Уждь завтра старикъ-то опять задасть... да и по дѣломъ! Экзаментъ не кончилъ, а этакую волю забралъ... До какого часу изъ-за него не спишь!

— Полно врать-то! Вѣдь отлично спишь! — шопотомъ отзывался молодой человѣкъ, пробираясь въ корридоръ.

— Спишь! — передразнила его Марѳа. — Много тутъ уснешь съ тобой, съ шатуномъ полуночнымъ...

Юноша, не заглянувъ къ себѣ въ комнату, тихонько прошелъ до конца корридора — до той двери, изъ замочной щели которой пробивался свѣтъ.

— Лида! Къ тебѣ можно? — спросилъ онъ вполголоса, слегка стукнувъ въ дверь.

— Войди! — слышался изъ-за двери тихій женскій голосъ.

Комната была ярко освѣщена. На столѣ подъ розовымъ абажуромъ горѣла лампа, а по сторонамъ туалетнаго зеркала были зажжены двѣ стеариновыя свѣчи. Молодая дѣвушка, лѣтъ 22, невысокаго роста, довольно полная, въ бѣлой ночной кофточкѣ съ засученными по локоть рукавами, сидѣла передъ туалетомъ въ маленькомъ мягкомъ креслѣ, въ видѣ раковины, и расчесывала свои великолѣпныя блондинскія волосы. Она, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣла въ зеркало, гдѣ вмѣстѣ съ колеблющимся пламенемъ свѣчей отражалось ея хорошенькое лицо съ блѣдно-голубыми глазами и съ нѣжнымъ розовымъ румянцемъ на щекахъ.

— Это еще что такое? — войдя въ комнату, спросилъ молодой человѣкъ, невольно прищурившись отъ слишкомъ сильнаго освѣщенія и съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

— Новую прическу придумываю, да ничего не выходитъ! —

пояснила дѣвица, не сводя глазъ съ зеркала.—Греческая прическа ко мнѣ нейдетъ... пробовала узломъ завязывать,—тоже нехорошо... Хочу, просто, заплести косу, да положить ее повыше... вотъ и все!

— Чортъ знаетъ, какими глупостями ты занимаешься!—съ усмѣшкой проговорилъ юноша и, не снимая фуражку, присѣлъ къ столу.—Какъ тебѣ, Лида, не наскучить!..

— Ахъ, оставь!.. Пожалуйста, безъ нравоученій!—съ легкимъ раздраженіемъ замѣтила Лида, продолжая смотрѣться въ зеркало и расчесывая волосы.—А ты гдѣ опять былъ? у пожарныхъ или съ какими-нибудь мастеровыми время проводишь?..

— Гдѣ я, Лидочка, былъ, тамъ теперь меня нѣтъ!—комически-торжественнымъ тономъ проговорилъ юноша.

— Глупо — и больше ничего!—въ тонъ ему отозвалась сестра.—Можетъ быть, былъ съ визитомъ у Фролки?

— Можетъ быть!—подтвердилъ Филиппъ, и тѣнь неудовольствія скользнула по его лицу: очевидно, послѣдній вопросъ былъ для него крайне непріятенъ.

Молодой человѣкъ облокотился на столъ и сталъ насвистывать „Лучинушку“.

— Перестань, пожалуйста! Терпѣть не могу...—остановила его сестра.

— Нервы?!—шутливо переспросилъ юноша.

Дѣвушка промолчала, сердито надувъ губы.

— А отецъ уже давно легъ?—немного погодя, спросилъ Филиппъ.

— Да!—отвѣтила Лида.—Онъ ворчалъ на тебя, бранился очень...

— А твой акцизный чиновникъ сегодня былъ?—перебилъ ее братъ.

— Былъ — и даже не одинъ, съ однимъ пріѣзжимъ, своимъ старымъ товарищемъ... Очень интересный господинъ!

— Поздравляю!

— Были еще Уржумовы... очень весело провели время, пѣли... Людмила и Маруся спрашивали о тебѣ...

— А имъ что до меня за дѣло?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ахъ, Филиппъ! Что у тебя нынче за тонъ! Ужасно!—воскликнула дѣвушка.

— Вѣдь я же никогда по хорошему тону не умѣлъ,—сама знаешь!—возразилъ ей братъ.

— Скажи, пожалуйста, Филиппъ: неужели тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, пріятнѣе быть съ простымъ народомъ, нежели въ нашемъ обществѣ?—спросила Лида.—Или ты на себя только напускаешь?..

— Ничего я на себя не напускаю!—сквозь зубы проговорилъ Филиппъ.

— Такъ тебѣ, значить, пріятнѣе быть съ мастеровыми, чѣмъ съ нами?—приставала Лида, заплетая косу, и, перекинувъ ногу на ногу, покачивала ногой.

— Странный вопросъ! Разумѣется, съ любымъ рабочимъ мнѣ пріятнѣе бесѣдовать, чѣмъ съ вами...

— Почему жъ такое предпочтеніе? Позвольте узнать!—насмѣшливо спросила его сестра.

— Да ужъ по одному тому, что они именно—простой народъ, „простые люди“, а вы—уроды, калѣки, всѣ вы точно изломаны... въ простотѣ слова не скажете, а все съ ужимкой!—волнуясь, заговорилъ Филиппъ, и густой румянецъ проступилъ на его смуглыхъ щекахъ. Вѣчно вы притворяетесь, да глазки дѣлаете... Иной разъ въ душѣ злорадствуете, а дѣлаете печальный видъ, а то начнете улыбаться, когда вамъ, вовсе, вовсе не весело и не смѣшно... Вонъ, нахальство—по вашему—не нахальство, а развязность, умѣнье „держаться“ въ обществѣ... Лжете вы—нужно и не нужно... Противно!

— А навѣщать Фролку тебѣ не противно?—съ ехидной усмѣшкой замѣтила Лида.

— Напрасно ты все мнѣ тычешь Фролкой!—перебилъ ее братъ.—Я ужъ тебѣ говорилъ и повторяю, что я хожу не къ нему, а къ его сыну и... къ дочери. Да и что жъ такое теперь Фролка? Старикъ—больной и жалкій...

— А прошлое... прошлое его!—язвительнымъ тономъ настойчиво повторяла дѣвушка.

— А прошлое его невеселое,—мрачное, скверное прошлое!—сказалъ юноша.—И почему знать, Лида, можетъ быть, онъ теперь страшно расплачивается за это прошлое, мучится за него!.. Но во всякомъ случаѣ его прошлое до его дѣтей не касается. Согласись! Они же не виноваты въ его дѣлахъ...

— Никто ихъ и не обвиняетъ за него...—отозвалась сестра.—Но все-таки столяръ тебѣ—не пара, да и эта дѣвушка въ подруги тебѣ не годится. Вѣдь она же совсѣмъ необразованная...

— Напрасно такъ думаешь!—возразилъ юноша.—Она не меньше твоего знаетъ!

- Не ты ли ей уроки даешь?
- Да! Даю!—спокойно отвѣтилъ Филиппъ.
- Отлично! Ужъ нѣтъ ли тутъ какого-нибудь романа?—спросила Лида, энергично покачивая ногой.
- Романа нѣтъ!
- Она, можетъ быть, думаетъ поѣхать на курсы?
- Не знаю! Можетъ быть...
- Вотъ это мило! Фролкина дочь—на курсы! Ха!—со смѣхомъ вскричала Лида...—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста!.. Ты опять у меня надымишь!—скороговоркой сказала она, замѣтивъ, что братъ вынулъ свой porte-tabac и собирался крутить папиросу.
- Ну, ну, ладно, уйду!—успокоилъ ее тотъ, направляясь къ двери.—Спать пора! Да и тебѣ будетъ ужъ кумошиться!..
- Фу! какія выраженія! — брезгливо промолвила дѣвушка.—Вѣроятно, ты у своихъ знакомыхъ ихъ наслушался!
- Эхъ, ты... свѣтская фря!
- Ахъ, Филиппъ!—съ укоромъ сказала дѣвушка.
- Ахъ, Лидочка!—въ тонъ ей отозвался братъ и, насмѣшливо посмотрѣвъ на нее, тихо притворилъ за собою дверь.

Братъ и сестра—или, какъ ихъ называли у насъ въ родѣ—„наслѣдники Шатровы“ представляли между собой живѣйшій контрастъ и по наружности, и по своему духовному складу. Одна—истая блондинка, бѣлокурая, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, небольшого роста, пухленькая; другой—настоящій „чумазый“, смуглый, высокій, неуклюжій, и для изображенія на бонбоньеркахъ вовсе не годился. Она была провинціальная барышня, *zierlich-manirlich*; она основательно заимствовала у окружавшей ее среды внѣшній свѣтскій лоскъ и соблюденіе приличій ставила выше исполненія евангельскихъ заповѣдей. Лида была особа практическая, толковая, путь въ жизни для нея былъ ясенъ, и въ 22 года сомнѣній для нея не существовало; положенія въ родѣ того, что „надъ чужимъ горемъ не наплачешься“, „моя хата съ краю“, „каждый за себя“, „не плошай“—были для нея такой же непреложной, осязаемой истиной,—ну, какъ, напримѣръ, извѣстная геометрическая формула о томъ, что „одна сторона треугольника меньше двухъ остальныхъ“. Эта расчетливая дѣвица очень просто смотрѣла на жизнь: нужно, во-первыхъ, подыскать хорошаго жениха (обязательно, разумѣется, съ

деньгами); во-вторыхъ, выйти за него замужъ—и во время вѣнчанья постараться первой вступить на разостланный передъ аналоемъ лоскутъ алаго атласа для того, чтобы впослѣдствіи командовать мужемъ; въ-третьихъ, наконецъ, сдѣлаться „хозяйкой дома“, выѣзжать въ общество, принимать у себя знакомыхъ... Домъ—полная чаша, ни въ чемъ отказу, завистливые взгляды. Чего же больше?

Очень многіе считали ее умнѣ брата. Тотъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ еще неустановившійся и какой-то нѣсколько странный юноша. Если Лида проходила въ жизни, какъ по расчищенной дорогѣ, пролегавшей по открытой мѣстности, то о братѣ ея можно было сказать, что онъ блуждалъ въ дремучемъ лѣсу сомнѣній и призраковъ, созданий его горячей фантазіи. Если для Лиды въ жизни все было ясно, то для него, напротивъ, все было „не просто“.

Мораль сестры никогда не удовлетворяла Филиппа: онъ не могъ довольствоваться думой только о самомъ себѣ, а условныя приличія, передъ которыми благоговѣла сестра, были для него смѣшны и ненавистны. Общество, бывавшее у нихъ въ домѣ, не приходилось ему по сердцу. Онъ еще ребенкомъ не любилъ выходить къ гостямъ: въ гостиную подсмѣивались надъ нимъ, звали его „волченкомъ“. Знакомыя дѣвочки-подростки, Лидины подруги, не любили играть съ нимъ, величали его „цыганомъ“, дразнили и обижали, а когда онъ, какъ выведенная изъ терпѣнья собаченка, давалъ, наконецъ, отпоръ своимъ мучительницамъ, на сцену являлся отецъ и, какъ пристрастный судья, обвинялъ его же и дралъ за ухо или за вихорь... За послѣдніе годы ему особенно стало претить „культурное общество“, какъ онъ съ презрѣніемъ называлъ кружокъ мужчинъ и дамъ, собиравшихся у его сестры,—и онъ бѣжалъ отъ него безъ оглядки. Въ мастерской столяра, на пожарномъ дворѣ, въ огородѣ у Фролки Трескина, на набережной между носильщиками, на базарѣ въ толпѣ мужиковъ, на палубѣ парохода, среди матросовъ, за городомъ у костра рыболововъ, въ кузницѣ у Василя Оedorова,—вездѣ Филиппъ чувствовалъ себя „своимъ человекомъ“ и только въ родномъ домѣ—въ этомъ большомъ сѣромъ домѣ—ему было душно и тяжело, какъ въ могильномъ склепѣ...

Туманныя, неясныя мечты волновали юношу, звали, манили его въ даль. Что-то смутное бродило въ немъ и толкало его изъ стороны въ сторону, и чувство въ немъ часто

брало перевѣсъ надъ холоднымъ разсужденіемъ. Повидимому, онъ дѣлалъ скачки, ударяясь изъ одной крайности въ другую, но и въ этихъ скачкахъ, переходахъ отъ одной крайности къ другой была своя логика, и онъ оставался вѣрнѣе самому себѣ... Еще мальчикомъ онъ задумалъ, было, сдѣлаться разбойникомъ, грабить проѣзжающихъ купцовъ и вообще богатыхъ людей и награбленное раздавать бѣднымъ. Позже онъ оставилъ эту великолѣпную мысль и сталъ мечтать о томъ: какъ бы уйти въ какой-нибудь бѣдный, глухой монастырь, затерявшійся въ лѣсахъ, облачиться во власяницу, надѣть на себя тяжелыя, желѣзныя вериги, поститься, трудиться до кроваваго пота и молиться за весь грѣшный міръ. Потомъ ему думалось: не лучше ли сдѣлаться миссіонеромъ, пойти къ какимъ-нибудь свирѣпымъ, кровожаднымъ дикарямъ и пожертвовать жизнью за свою проповѣдь о братствѣ и любви. Далѣе мечты его значительно сѣздились: онъ хотѣлъ быть только сельскимъ учителемъ. Но онъ думалъ, что сдѣлается настоящимъ, пригоднымъ къ дѣлу человѣкомъ лишь тогда, какъ побываетъ въ университетѣ: тамъ откроется ему вся истина... Тутъ, впрочемъ, его одолевали еще сомнѣнья: необходимъ ли для него университетъ? Нужно ли ему еще учиться?..

Братъ и сестра послѣ смерти матери остались еще очень маленькими дѣтьми: Филиппу не было еще года, а Лидѣ лишь только минуло два года. Они остались на рукахъ бабушки—„генеральши“, Ирины Михайловны, женщины совершенно простой, необразованной, но очень неглупой. Ирина Михайловна—родомъ крестьянка—была въ свое время замѣчательно красива, долго служила экономкой у одного генерала и подконецъ вышла за него замужъ. Генераль, говорятъ, жилъ съ нею очень счастливо и, умирая, оставилъ женѣ и своей единственной дочери, Машѣ, этотъ сѣрый двухъэтажный домъ и небольшое имѣніе въ 25 верстахъ отъ города. Ирина Михайловна выдала Машу за мѣстнаго обѣднѣвшаго помѣщика, Александра Васильевича Шатрова, поселила ихъ въ своемъ домѣ, имѣнье продала, а деньги (14 тысячъ) берегла для внучатъ. Когда ея Маша умерла, оставивъ послѣ себя маленькаго сына и дочь, старуха задумала, было, сдѣлать опекуномъ надъ сиротскимъ имуществомъ одного своего дальняго родственника, такъ какъ зятя считала не особенно надежнымъ человѣкомъ, но Шатровъ страшно обидѣлся и повелъ дѣло такъ, что старуха была вынуждена назначить его

опекунѣ. Сдѣлать же послѣднихъ, окончательныхъ распоряженій она не успѣла: болѣзнь врасплохъ скрутила ее и свалила въ гробъ.

Припа Михайловна умерла 11 лѣтъ тому назадъ, когда Лида была уже въ гимназіи, а Филиппъ учился дома. Бабушка любила „черномазаго“, заступалась за него, и до смерти бабушки Филиппу жилось хорошо. Онъ и теперь съ благодарностью и съ любовью вспоминаетъ о старушкѣ... Лида же, какъ была, такъ и осталась любимицей отца. Все—для Лиды; чтѣ Лида хочетъ, то и будетъ; Лидѣ нѣтъ ни въ чемъ отказа.

II контрастъ въ характерѣ брата и сестры, кажется, ни въ чемъ такъ ярко не высказывался, какъ въ ихъ отношеніяхъ къ отцу. Лида была нѣжна и ласкова съ отцомъ. Филиппъ былъ сдержанъ, не умѣлъ ласкаться и быть нѣжнымъ, а, напротивъ, не рѣдко возбуждалъ неудовольствіе со стороны отца своими неумышленно рѣзкими и грубыми возраженіями. Да и отецъ, какъ оказывалось, былъ неспособенъ приголубить сына: казалось, вся его родительская любовь и нѣжность—безраздѣльно и безъ остатка—была разъ навсегда отдана дочери. Въ Лидѣ все было хорошо, и старикъ не могъ налюбоваться на свою „красавицу“. Лида подкупала его всѣмъ—и пріятною наружностью, и тихимъ, ровнымъ голосомъ, журчащимъ какъ ручеекъ, и мягкими манерами и всегдашней привѣтливостью и лаской. Въ сынѣ же, напротивъ, и „цыганская наружность“, и неуклюжія манеры, часто слишкомъ громкій говоръ, тяжелая, твердая поступь, грубые обороты рѣчи—все, однимъ словомъ, начиная съ его взъерошенныхъ, мелко вьющихся волосъ и до его простонародныхъ выраженій—не нравилось старику и порой корбило его...

Пристрастные люди бываютъ слѣпы: такую слѣпотой страдалъ и старикъ Шатровъ. Въ сынѣ старикъ не видѣлъ почти ничего симпатичнаго, не замѣчалъ въ немъ ни одной свѣтлой стороны, зато каждое пятно въ поведеніи или въ характерѣ сына широко расплывалось въ его глазахъ. Въ дочери же, на его взглядъ, недостатковъ не было, но были только одни достоинства, и эти достоинства старикъ преувеличивалъ до размѣровъ фантастическихъ...

II.

На слѣдующій день въ свое обычное время, въ девятомъ часу утра, старикъ Шатровъ сидѣлъ въ столовой за само-

варомъ и курилъ трубку, попивая чай изъ своей громадной кружки. Тутъ же у него подъ рукой лежалъ неразвернутый номеръ газеты „Сынъ Отечества“, неизмѣнно получавшійся Шатровымъ уже въ теченіе четверти столѣтій.

Съ противоположной стороны большого круглаго стола сидѣлъ Филиппъ и доѣдалъ съ чаемъ кусокъ чернаго хлѣба, тщательно подбирая со скатерти оставшіяся крошки. Филиппъ не дотрагивался до сухарей и булокъ: онъ не любилъ бѣлаго хлѣба. На немъ была теперь темная суконная блуза, подпоясанная гимназическимъ ремнемъ съ мѣдной бляхой. Его короткіе темные волосы, еще мокрые отъ умыванья и неприглаженные, торчали и лѣзли на лобъ безпорядочными прядями. Рядомъ со стаканомъ передъ нимъ лежала раскрытая книга, и онъ, нагнувшись надъ столомъ и доѣдая крошки, быстро пробѣгалъ страницу за страницей.

Красноватые лучи утренняго солнца полосой падали на полъ. Черезъ раскрытыя окна вливался въ комнату свѣжій, прохладный воздухъ, было видно голубое небо и слышалось чирканье воробьевъ... А въ комнатѣ было тихо. Филиппъ сидѣлъ, уткнувшись въ книгу; старикъ продолжалъ, молча, курить и сквозь синеватые облака табачнаго дыма взглядывалъ порой на низко опущенную голову сына.

Александрѣ Васильевичу Шатрову уже стукнуло 65 лѣтъ, но довольно полное, коренастое тѣло, повидимому, обѣщало ему долгую, здоровую и спокойную старость. Голова его съ большимъ, высокимъ лбомъ была совсѣмъ лысая; только на затылкѣ и на вискахъ сохранились рѣдкія пряди сѣдыхъ волосъ. Длинныя сѣдые усы его были опущены книзу, а изжелта-серебристая борода доходила ему почти до половины груди. Эта большая, сѣдая борода и задумчивые, блѣдно-голубые глаза, мерцавшіе изъ-подъ густыхъ, косматыхъ бровей придавали его старческому, морщинистому лицу весьма почтенный, патриархальный видъ. На немъ была сѣрая суконная поддевка, а изъ-подъ нея, на шеѣ былъ виднѣнъ воротъ рубахи, расшитый разноцвѣтной бумагой, — „работа Лидиныхъ ручекъ!“ — какъ съ умиленіемъ говаривалъ старикъ... Теперь старикъ, повидимому, былъ чѣмъ-то недоволенъ; онъ сильнѣе обыкновеннаго тянулъ свою трубку, и брови его хмурились. Наконецъ, онъ взялся за газету, развернулъ ее, но читать не сталъ и положилъ ее къ себѣ на колѣни.

— А ты, Филиппъ, вчера опять гдѣ-то пропадалъ! — съ неудовольствіемъ заговорилъ старикъ, расправляя концомъ чубука свои нависшіе усы.

— Ходилъ на басанинскую пристань! „Игорь“ пришелъ вчера вечеромъ...—отвѣтилъ юноша, не отрываясь отъ книги.

— Это замѣчательно! Ты, кажется, ни одного парохода не пропустишь!—съ кислой усмѣшкой замѣтилъ ему отецъ.—Ужъ никакъ тебѣ нельзя, чтобы не повидаться съ матросами и ко-чегарами...

— На „Игорѣ“ у меня знакомые...—мелькомъ взглянувъ на отца и затѣмъ опять понурившись, отозвался Филиппъ.

— Да ужъ я знаю: у тебя вездѣ знакомые!—продолжалъ отецъ, пыхтя трубкой.—Удивляюсь я тебѣ!.. Ты не ищешь общества себѣ равныхъ, людей образованныхъ... А ты... ты такъ и тянешься къ самымъ подонкамъ общества... Чего жъ тутъ хорошаго? И чтѣ тебя привлекаетъ туда? Скажи на милость!

— Ты спрашиваешь: чтѣ привлекаетъ меня къ простому рабочему народу!—заговорилъ Филиппъ, оставляя книгу.—Вѣроятно, тутъ наслѣдственность сказывается. Вѣдь моя бабушка была крестьянка...

— Да! Только одна бабушка!—горячо возразилъ старикъ.—А всѣ остальные твои предки и съ материнской и съ моей стороны были потомственные русскіе дворяне...

— Что жъ изъ того! Крестьянская кровь бабушки, значить, оказалась сильнѣе... Я-то чѣмъ же тутъ виноватъ?

— Вздоръ! Просто, тебѣ нравится быть въ компаніи съ такими людьми... хочется играть роль... Тебѣ любо, что ты у нихъ такимъ дорогимъ гостемъ,—на первомъ мѣстѣ!..

— Никакой роли я не хочу играть!—въ свою очередь нахмурившись, промолвилъ юноша.—Что жъ такое! Вѣдь и они такіе же люди, какъ и всѣ...

— Гм! Передъ Богомъ, конечно, люди всѣ равны...—началъ старикъ.

— А передъ тобой неравны!—перебилъ его Филиппъ.

— Ну, да... неравны!—съ раздраженіемъ, настойчиво проговорилъ старикъ.—Одинъ—образованъ, другой—невѣжда, вѣрить въ домовыхъ и во всѣхъ чертей; одинъ—умень, другой—дуракъ, идиотъ, или—негодяй, мошенникъ...

— Это неравенство люди сами устроили...—замѣтилъ юноша.—А ты хотѣлъ бы поддерживать его!..

— Я ужъ не разъ говорилъ тебѣ, Филиппъ...—началъ отецъ, и махнулъ рукой.—Нѣтъ! Ты, просто, сокрушаешь меня!

— Пожалуйста, отецъ, не сокрушайся обо мнѣ!—сказалъ юноша, выпрямляясь и посмотрѣвъ на отца.

— Погоди, погоди, Филиппъ! — дрогнувшимъ голосомъ, тихо промолвилъ старикъ, стуча пальцемъ по столу. — Уждь что-то ты скажешь, когда твой сынъ заговорить съ тобой такъ же, какъ ты говоришь со мной...

И старикъ взглянулъ на юношу, тотъ посмотрѣлъ на него, — глаза ихъ встрѣтились. Но Филиппъ не моргнувъ и съ какимъ-то усталымъ, грустнымъ видомъ смотрѣлъ ему въ глаза.

— Когда у меня будетъ взрослый сынъ, я не стану стѣснять его свободы, я постараюсь понять его, а не буду воевать съ нимъ изо дня въ день, какъ ты со мной воюешь! — вполголоса промолвилъ юноша.

— Погоди, погоди! Уждь! — повторялъ старикъ, снова принимаясь за трубку и не замѣчая, что та уже погасла.

— Все горе въ томъ, что ты не хочешь понять меня! — заговорилъ Филиппъ, кладя локти на столъ и смотря на отца. — Ты, вонъ, раздѣляешь людей разными перегородками. Кальвинъ тоже раздѣлялъ ихъ на погибшихъ и спасенныхъ. А Христосъ не раздѣлялъ... Да и твой любимый писатель... Я вотъ сейчасъ...

И Филиппъ, порывшись въ книгѣ, перелистывая нѣсколько страницъ, прочиталъ вслухъ:

«Да, братьями всѣ люди быть должны,
Но часто прахъ гордится передъ прахомъ,
Хоть оба только — прахъ»...

— Ну, да! Ну, да! Знаю... до твоего рожденья еще зналъ! — съ нетерпѣньемъ перебилъ старикъ.

— Я отлично чувствую себя съ простымъ народомъ, и, право же, отецъ, ничего худого оттого нѣтъ... — продолжалъ Филиппъ. — Зачѣмъ же ты хочешь ломать меня по своему вкусу?.. Ты понялъ бы меня, если бы далъ мнѣ высказаться... Но ты со мной всегда дѣлаешься такой раздражительный, — съ тобой, просто, говорить нельзя!

— Вотъ съ вами нынче — такъ говорить нельзя! — нетерпѣливо вскричалъ старикъ, какъ обыкновенно, въ минуты гнѣва, переходя на „вы“. — Съ вами нынче совѣмъ нельзя говорить! Вы ужъ стали такъ умны, набрались такихъ теорій... такой философій... готовы всякаго поучать и убѣждать!

— Ну, вотъ, отецъ... ужъ ты... — заговорилъ Филиппъ, съ укоромъ посмотрѣвъ на отца.

Въ ту минуту горничная Дуня вошла въ комнату съ подносомъ.

— Барышня просятъ подать кофей къ нимъ въ комнату! — сказала Дуня, подходя къ столу.

— А-а! Изволить еще нѣжиться!—вдругъ преобразившись, заговорилъ старикъ, весело улыбаясь, и принялся наливать кофе. — Ахъ, лѣнивица... баловница!—продолжалъ старикъ, ставя на поднось чашку кофе, густыя кипяченныя сливки, сахаръ и сухарницу. — Скажи: если она черезъ часъ не будетъ готова, я обрызну ее водой...

— Слушаю-сь!—сдержанно улыбаясь, какъ подобаетъ вымуштрованной прислугѣ, отозвалась Дуня.

Той порой два сизые голубя прилетѣли на подоконникъ и, тихо воркуя, заглядывали въ комнату. Филиппъ взялъ нѣсколько крошекъ и подошелъ къ нимъ. Голуби уже, очевидно, знали его и спокойно клевали кормъ у него изъ рукъ.

— Васька, Васька! Ты ужъ слишкомъ много... Не обижай товарища! Нехорошо! — тихо говорилъ Филиппъ, отстраняя одного слишкомъ назойливаго голубя.

А старикъ Шатровъ, отойдя въ уголъ, гдѣ стояла его табачница, принялся методически чистить и вновь набивать трубку.

Часа черезъ два послѣ того Филиппъ, натянувъ свой гимназическій сюртукъ и, по обыкновенію, сдвинувъ фуражку на затылокъ, вышелъ изъ дома и по знакомой дорогѣ направился въ глухой и тихій Волчій переулокъ.

Здѣсь, въ этомъ переулкѣ, не было ни бойкой ходьбы, ни ѣзды; улица поросла травой, куры спокойно бродили тамъ и сямъ и рылись въ песокъ; узенькіе деревянные троттуары (по тамошнему „мостики“) — гнилые и дырявые — представляли не мало опасностей для пѣшеходовъ въ темные осенніе вечера; мѣстами и совсѣмъ не было троттуаровъ; по сторонамъ улицы канавы заросли травой и стоячія воды ихъ покрылись зеленью. Городской шумъ почти не долеталъ сюда: было только слышно кваканье лягушекъ, да порой раздавался собачій лай. Этотъ переулокъ составлялъ одну изъ городскихъ окраинъ, и изъ него съ одной стороны было видно между домами поле и кладбище съ небольшою церковью и съ высокой, узкой колокольней, бѣлѣвшей изъ-за деревьевъ.

У воротъ одного дома на лавочкѣ сидѣла старуха, и Филиппъ, проходя мимо нея, крикнулъ:

— Здорово, бабушка! Каково живешь-можешь?

— Здорово, родной! Вотъ спасибо добрымъ людямъ... выволокли на солнышко! Грѣюсь! — пробормотала старуха.

Въ дверяхъ лавки, прислонившись къ косяку, стоялъ тор-

говецъ, здоровый, дюжій мужчина, въ свѣтлой ситцевой низко подпоясанной рубахѣ.

— Филиппу Александровичу! — лаконично проговорилъ онъ, мотнувъ фуражкой.

— Здравствуйте, хозяинъ! — отозвался молодой человекъ.

— Все съ книжками! — крикнулъ ему въ догонку лавочникъ.

— Да! Скоро экзаменъ...

— Т-а-акъ-съ! Доброе дѣло!..

Далѣе—какой-то мальчуганъ лѣтъ 5—6, широко разставивъ ноженьки и помахивая самострѣломъ, встрѣтилъ его грознымъ окрикомъ:

— Гошподинъ Шатровъ! Хотите я выштрѣлю и убью вашъ?

— Нѣтъ, Герась! пожалуйста, не убивай! — смѣясь, сказалъ ему Филиппъ. — Пожить еще охота!

— Ну, то-то! Боишься меня! — выразительно кричалъ этотъ маленькій воинъ, вертя въ рукахъ самострѣлъ.

Однимъ словомъ, у Филиппа Шатрова здѣсь на каждомъ шагѣ оказывались знакомые. Здѣсь даже собаки знали его.

Когда Филиппъ подошелъ къ розовому домику, весеннее солнце играло на стѣнахъ его и на бѣломъ, блестящемъ, недавно пристроенномъ и еще невыкрашенномъ крыльцѣ. Проникнувъ черезъ калитку во дворъ, Филиппъ подошелъ къ раскрытому окну и, вставъ на цыпочки, заглянулъ въ комнату. Тамъ на стулѣ у окна сидѣлъ очень древній старикъ, сѣдой, съ безжизненно блѣднымъ лицомъ, въ сѣромъ длиннополомъ нанковомъ сюртукѣ и, поникнувъ своей трясущейся головой, разглаживалъ на колѣняхъ клѣтчатый носовой платокъ, а порой невнятно бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

— Никита дома? — спросилъ его Филиппъ.

Старикъ слегка вздрогнулъ и повернулся къ нему.

— Нѣтъ... ушелъ за досками! — прошамкалъ онъ.

— А Настя?

— Настя! Въ огородѣ, надо быть... въ огородѣ Настя... Да!

Въ ту минуту Филиппъ услышалъ гдѣ-то вверху пискъ и поднялъ голову. Маленькая сѣрая головка высывалась изъ отверстія скворешницы и темные, зоркіе глазки смотрѣли на пришельца.

— Скворцы прилетѣли! — замѣтилъ Филиппъ.

— Прилетѣли недавно... трещать! — пробормоталъ старикъ.

И черезъ мгновенье онъ ужъ опять разглаживалъ свой

платокъ, а губы его беззвучно шевелились... Его глубоко впалые глаза казались совершенно бессмысленны; они какъ будто смотрѣли откуда-то издалека — совсѣмъ изъ другого міра... Старикъ, словно, жилъ не наяву, но грезилъ и грезы свои принималъ за дѣйствительность, а живую дѣйствительность принималъ за сонъ. Съ холоднымъ, невозмутимымъ равнодушіемъ, безучастно относился онъ ко всему окружающему. Никита, Настя — такъ же, какъ скворцы, поющіе надъ его окномъ, и этотъ разговаривающій съ нимъ молодой человекъ — были для него фантомами, и мысль его не останавливалась на нихъ...

Филиппъ миновалъ дворъ, заваленный стружками и грудами щепокъ, и прошелъ въ огородъ. Тамъ тянулись десятка два грядъ, а вдоль забора росли густой малинникъ и смородина; тамъ и сямъ виднѣлись крапива и широкіе листья лопуха. Въ бороздахъ и по бокамъ грядъ высоко поднималась матовая зелень мака; въ травѣ желтѣли цвѣты одуванчика, дикаго цикорія, пестрѣла макушка. Въ одномъ углу огорода былъ небольшой зацвѣтшій прудъ, а въ другомъ углу подъ тѣнью березъ стояли двѣ скамейки и грубо сдѣланный деревянный столъ.

Теперь на одной изъ скамеекъ сидѣла дѣвушка съ работою; на столѣ валялись обрѣзки лоскутковъ, нитки и стояла домашняго издѣлія швейка — толсто обложенный ватою и обтянутый толстою пестрою матеріей кирпичъ. Дѣвушка была въ простенькомъ, темносѣромъ ситцевомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на шеѣ. Черные волосы ея были заплетены въ одну косу и гладко причесаны; только на вискахъ вились и завивались непослушныя пряди. Ея блѣдное, худощавое лицо съ темными, блестящими глазами, съ тонкимъ, прямымъ носомъ и съ небольшимъ, но красивымъ лбомъ было очень миловидно.

Дѣвушка не замѣчала подходившаго Филиппа и тихо мурлыкала про себя:

«Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая»...

Заслышавъ шаги, дѣвушка замолкла и подняла голову.

— А-а! Давно васъ не видать... давно! — привѣтливо заговорила она. — Ну, какъ ваши дѣла? Что вы сегодня какой хмурый?

— Съ отцомъ разговоръ сегодня вышелъ!—сказать Филиппъ, присаживаясь на скамейку и бросивъ на столъ свои книги и тетради.

— И, должно быть, разговоръ непріятный?

— У насъ съ нимъ пріятныхъ разговоровъ не бываетъ!—отозвался Филиппъ.

— Нужно быть посписходительнѣе къ старикамъ... нельзя съ ними слишкомъ круто!—замѣтила дѣвушка.

— Вамъ хорошо разсуждать, когда вы такая невозмутимая!—возразилъ юноша.—Вонъ отъ своего больного вы все сносите... другая на вашемъ мѣстѣ ужъ давно бы сбѣжала!.. У васъ—ангельское терпѣнье!

— Ужъ и ангельское!—съ легкой улыбкой сказала дѣвушка.—Ахъ, сегодня ночью какъ ему было худо!.. Братъ ходилъ за докторомъ...

— Ну и что жъ докторъ?

— Да чтѣ... сказать, что этого и надо было ожидать, что теперь ему будетъ все хуже и хуже... Долго ли-то онъ потянется!—говорила дѣвушка, концомъ наперстка задумчиво разглаживая шовъ.

Когда дѣвушка задумывалась, глаза ея принимали жалостливое, молящее выраженіе, и это выраженіе придавало какой-то странный, своеобразный характеръ ея худенькому, блѣдному лицу. Въ тѣ минуты она какъ будто мысленно видѣла передъ собой какую-нибудь трогательную или ужасно тяжелую картину и мысленно какъ будто бы кого-то умоляла, за кого-то просила пощады...

Тихо было въ огородѣ. Со двора доносилось чириканье воробьевъ, да слышался въ сосѣднемъ саду крикъ грачей, суетившихся около своихъ гнѣздъ.

— Какая вы хорошая, Настя!—смотря на дѣвушку, промолвилъ Филиппъ. — Все-то вы за работой и всегда-то вы довольны... А вотъ у меня сестрица...

— Ахъ, кстати, Филиппъ Александровичъ...—перебила его Настя.—Недавно я опять видѣла вашу сестру... Она откуда-то возвращалась домой... Какая она хорошенькая!

— Злючка!—какъ бы про себя замѣтилъ Филиппъ.

— Ну, вотъ... братья къ сестрамъ всегда такъ относятся! На васъ не угодишь...—съ усмѣшкой сказала Настя.

— А къ вамъ Никита развѣ относится дурно?

— О, да! бранимся постоянно... Онъ все на меня ворчитъ...

— Если бы я былъ вашимъ братомъ...

— То стали бы бить меня?—перебила его дѣвушка.

— Нѣтъ! Не угадали!—въ тонъ ей, съ усмѣшкой, отвѣтилъ Филиппъ.—Я бы васъ очень любилъ...

Легкій, едва замѣтный румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ дѣвушки. Она весело разсмѣялась и такъ свѣтло, ласково взглянула на Филиппа, рывшагося въ своихъ книгахъ. Тотъ какъ будто бы смутился...

— Это вы теперь такъ говорите, а тогда, можетъ быть, не хуже Никиты стали бы брюзжать на меня... — шутливо замѣтила она.

— Ну, нѣтъ... вотъ ужъ никогда!—съ жаромъ возразилъ юноша,—и, посмотрѣвъ въ ту минуту на его лицо, можно было повѣрить ему на слово.

Филиппъ какъ будто хотѣлъ взглянуть на нее, приподнявъ голову, но еще болѣе смутился и, нахмуривъ брови, вдругъ принялъ замѣчательно серьезный, дѣловой видъ.

— Сегодня, Настя, урока у насъ не будетъ!—сказалъ онъ, уткнувшись въ книгу.—Мнѣ нужно позаняться... Завтра экзамень!

— Занимайтесь, занимайтесь! Я вамъ не мѣшаю...—торопливо проговорила дѣвушка.—А если нужно, я уйду...

— Нѣтъ! зачѣмъ же... — остановилъ ее юноша.—А я вотъ чтó сдѣлаю... лягу лучше на землю! Такъ будетъ удобнѣе!—сказалъ онъ и, забравъ свои книги и тетради, растянулся подъ деревьями.

Дѣвушка работала, не разгибая спины; Филиппъ, повиному, также сильно углубился въ свое занятіе,—и Настя не мало удивилась, когда вдругъ услышала вопросъ, вовсе не относившійся къ космографіи:

— А что вы теперь работаете?

— Обшиваю ребятишекъ Прохоровны... — отвѣтила дѣвушка.— Ей, бѣдной, совсѣмъ некогда! Измучилась она съ ними...

И опять тишина. Слышны лишь перелистыванье книги, да неумолчное чириканье воробьевъ и крикъ грачей въ со-сѣдномъ саду. Такъ проходитъ съ полчаса,—и опять возгласъ:

— Настя! Змѣй! Смотрите!..

— Гдѣ? гдѣ?

— Вонъ изъ-за федяевской бани поднимается... вонъ... видите?

И, дѣйствительно, не особенно далеко, треща и свер-

кая на солнцѣ, взлетѣлъ къ голубому небу бѣлый бумажный змѣй съ длиннымъ мочальнымъ хвостомъ. Вѣтеръ ли былъ слабъ и неровенъ, или пускавшіе змѣй не были специалистами дѣла, но только змѣй никакъ не могъ подняться высоко, вертѣлся и нырялъ, какъ будто ежеминутно готовясь пасть на землю. Хотя Настя, повидимому, была старше Филиппа, но и она съ такимъ же живымъ интересомъ, какъ Филиппъ, слѣдила за полетомъ змѣя. Гулъ городской жизни, шумъ житейскихъ тревоженій не достигалъ сюда, въ этотъ укромный уголокъ. Подъ вліяніемъ ожившей и всеоживлявшей природы, подъ тихими, сладостными впечатлѣніями безоблачнаго майскаго утра молодые люди чувствовали въ себѣ приливъ свѣтлаго, жизнерадостнаго чувства и стали въ ту минуту безпечны и веселы, какъ дѣти...

Рѣдки въ жизни такіа чудныя мгновенья, зато же человекъ и цѣнить ихъ, дорожить ими больше всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, и воспоминаніе о нихъ, какъ святыню, хранить до могилы...

— Упадетъ! Упадетъ! — волнуясь, говорилъ Филиппъ, какъ бы думая вслухъ. — Задерживаютъ... Дураки! И чего боятся!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Поднимается... — крикнула Настя. — Ухъ, какъ хорошо... высоко-высоко!..

Змѣй высоко взлетѣлъ въ поднебесье, но затѣмъ, черезъ нѣсколько мгновеній, опять пошелъ книзу, треща и извивая свой мочальный хвостъ, и словно живое существо, увидавшее для себя лакомую добычу, вдругъ ринулся на землю.

— Вотъ—дурачье!—съ досадою проговорилъ Филиппъ. — Не умѣютъ отойти во-время...

Проходитъ полчаса и больше. Солнце выдвигается изъ-за деревьевъ, и деревья уже не даютъ тѣни. Солнце мѣшаетъ работать, и Настя поворачивается къ нему спиной. По-прежнему слышно чириканье воробьевъ и крикъ грачей, но перелистыванья книги не слышно. Такая тишина дѣвушкамъ кажется нѣсколько подозрительной...

— Филиппъ Александровичъ! — окликаетъ она вполголоса. Отвѣта нѣтъ.

Приклонивъ голову на книгу и полузакрывшись рукой, „Филиппъ Александровичъ“ крѣпко спитъ. Фуражка свалилась и лежитъ на травѣ. Солнце сильно печетъ...

— Бѣдняжка! Какъ они устаютъ съ этими экзаменами! — шепчетъ про себя Настя, снимаетъ съ шеи платокъ, подхо-

дѣть къ спящему и, наклонившись, осторожно накрываетъ ему голову платкомъ.

Дѣвушка опять садится за работу, но часто взглядываетъ на спящаго. „Нехорошо ему живется дома...—думаетъ Настя. Хотя онъ всего и не говоритъ, но можно догадываться... Развѣ онъ можетъ что-нибудь скрыть? Вѣдь онъ весь, вся душа его, какъ на ладони...“ Настя улыбается. Вспоминается ей то время, когда Филиппъ въ первый разъ пришелъ къ нимъ въ домъ... И теперь цѣлый рядъ картинъ и сценъ проносится передъ нею.

Знакомыхъ у Трескиныхъ было мало. Въ средѣ молодежи пѣзъ мастеровыхъ у Никиты, конечно, были знакомые, но эти знакомые рѣдко посѣщали его. Дальніе деревенскіе родственники, наѣзжая въ городъ по базарнымъ днямъ, иногда провѣдывали ихъ; лавочница, Максимовна, раза два-три въ годъ заходила къ Настѣ выпить чаю, да церковный сторожъ съ сосѣдняго Богородицкаго кладбища въ праздникъ иной разъ захаживалъ покалякать со старикомъ и выпить рюмку винца. У Никиты не было пріятелей, у Насти не было подругъ...

Сосѣди—такъ же, какъ и вообще наши городскіе обыватели—сторонились отъ Фролки Трескина, чуждались его, и это отчужденіе переносилось и на его ни въ чемъ неповинную семью. На „Фролкѣ“ и на его розовомъ домикѣ, казалось, лежало несмываемое временемъ темное пятно, и тѣнь этого пятна какъ будто отражалась и на его дѣтяхъ. Фролъ Трескинъ уже давно заслужилъ въ нашемъ городѣ печальную извѣстность, и старымъ, и малымъ внушалъ къ себѣ отвращеніе и ужасъ.

Дѣло въ томъ, что до 1863 года, то-есть, до отмѣны публичныхъ тѣлесныхъ наказаній—Фролка былъ палачомъ. Болѣе четверти вѣка прошло послѣ того, какъ у насъ на базарной Никольской площади перестали воздвигать эшафотъ, и Фролка сошелъ со сцены,—народились и вступили въ жизнь новыя поколѣнія, но тяжелое, мрачное прошлое не забывалось. Конечно, многіе не знали Фролку въ ту пору, какъ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и однимъ своимъ видомъ нагонялъ страхъ. Но—„слухомъ земля полнится“,—старики не молчали о прошломъ, и на розовомъ домикѣ въ Волчьемъ переулкѣ попрежнему лежала печать отчужденія, хотя и не столь яркая, какъ въ былые годы.

Фролъ Трескинъ велъ жизнь замкнутую, по временамъ страшно пилъ, запершись у себя въ комнатѣ, пилъ по цѣ-

лымъ недѣлямъ, пить до того, что ему начинали слышаться какіе-то голоса и представляться видѣнія. И тогда этотъ жалкій старикъ, со всклокоченными волосьями, вздрагивая всѣмъ своимъ большимъ, грузнымъ тѣломъ и тяжело дыша, въ ужасѣ и отчаяніи отмахивался отъ страшныхъ образовъ, мерещившихся ему въ пьяномъ бреду... Ему уже стукнуло 70 лѣтъ, и его, нѣкогда могучее, тѣло пришло въ полную ветхость. За послѣдніе годы онъ, съ помощью сына, ходилъ только въ кладбищенскую церковь, вставалъ тамъ въ лѣвомъ придѣлѣ у окна, и почти всю службу простаивалъ на колѣняхъ, тяжело вздыхая и шевеля губами.

О прошломъ онъ никогда не упоминалъ; прошлаго для него какъ будто не существовало. Только одинъ разъ,—и то уже давно,—бесѣдуя со своимъ старымъ знакомымъ, церковнымъ сторожемъ, Иваномъ, проговорился онъ въ пьяномъ видѣ.

— Ровно на бѣшеную собаку, глядятъ на меня...—говорилъ Фроль, покачиваясь надъ столомъ.—Самъ былъ арестантомъ, въ острогѣ сидѣлъ, на каторгу хотѣли угнать—за другихъ... вотъ, какъ передъ Богомъ! Ну, а тутъ волю давали, денегъ... только на четыре года въ острогѣ оставляли... А пожить всякому охота... А мнѣ—что?.. Грѣхъ не на мнѣ... Ну, что смотришь?

— Эхъ, Фроль Семенычъ! Что ужъ старое поминать!..—замѣтилъ сторожъ, беспокойно посматривавшій на своего возбужденнаго собесѣдника.

Сторожъ испугался, потому что Фролька никогда еще не заводилъ съ нимъ рѣчь о томъ, какъ онъ палачомъ сталъ,—и Иванъ постарался замаять этотъ непріятный, тяжелый разговоръ.

Въ настоящее время Никиту и сестру его, конечно, никто не притѣснялъ, и хотя сосѣди относились къ нимъ нѣсколько сухо и сдержанно, но не чурались, какъ прежде. Въ дѣтствѣ же имъ жилось плохо. Настя помнитъ, какъ уличные мальчишки швыряли въ нихъ камышками и грязью, а то и палкой,—дразнили ихъ и кричали имъ въ слѣдъ: „У-у, погань! Палачево отродье!“ Никита дрался съ мальчишками, дрался жестоко, а Настя горько плакала и не понимала: за что ребятишки такъ преслѣдуютъ и ненавидятъ ихъ, когда они никому не сдѣлали зла. Потомъ, позже, братъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, но и послѣ его объясненій, покоробившихъ ее, дѣвочка въ глубинѣ души все-таки чувствовала, что люди возмутительно несправедливы и жестоки къ нимъ. Эти

горькія думы—тяжелыя и мрачныя не по лѣтамъ,—сознаніе незаслуженной обиды, постоянное одиночество и отчужденіе наложили на характеръ Наси грустную, печальную складку и придали ей глазамъ то особенное, жалобное, молящее выраженіе, которое теперь такъ явственно сказывалось въ нихъ въ минуты задумчивости. И дома Настѣ жилось евесело: братъ молчалъ, а отецъ, пьяный, одинаково нугалъ ее и бранью, и ласками.

У Никиты натура была менѣе воспріимчивая, болѣе спокойная, и поэтому тягостныя впечатлѣнія дѣтства сдѣлали только то, что онъ съ годами сталъ очень сдержанъ и молчаливъ.

Знакомство съ Филиппомъ Шатровымъ завязалось у нихъ случайно—пять лѣтъ тому назадъ. Филиппъ заказалъ Никитѣ сдѣлать конторку. Разговорились... Филиппъ легко сходилъ съ рабочимъ людомъ. Столяръ былъ парень неглупый, грамотный, непьющій, смирный,—и Филиппъ скоро подружился съ нимъ. Хотя Никита былъ старше лѣтъ на шесть, по Филиппъ зато оказывался развитѣе, бойчѣе, а поэтому разница лѣтъ не помѣшала ихъ дружбѣ. Шатровъ заказалъ Никитѣ сдѣлать верстакъ, и самъ сталъ учиться у него столярному ремеслу. Простой, веселый и разговорчивый барченекъ полюбился молчаливому Никитѣ. Сестра же сначала побаивалась „чужого челоѣка“, относилась къ нему недовѣрчиво: они вели жизнь тихую, уединенную, а тутъ вдругъ появляется новый знакомый—да еще совсѣмъ изъ другого міра. Но это время боязни и недовѣрія уже давно прошло...

Филиппъ уже давно сдѣлался „своимъ челоѣкомъ“ въ розовомъ домикѣ. Часто проводилъ онъ длинныя зимніе вечера у Никиты въ мастерской. То они разговаривали, то Филиппъ читалъ что-нибудь вслухъ, а столяръ работалъ, или, отдыхая, сидѣлъ на своемъ верстакѣ, въ длинномъ бѣломъ фартукѣ и съ чернымъ кожанымъ ремешкомъ вокругъ головы. Во время чтеній и Настя, обыкновенно, являлась въ мастерскую со своимъ шитьемъ. Братъ и сестра, жившіе уединенно, привыкли къ Филиппу не меньше, если еще не больше, чѣмъ Филиппъ къ нимъ... Настѣ онъ очень нравился; дѣвушка нравилась его искренность и прямота, его простыя рѣчи, простыя вкусы, его знакомства въ средѣ бѣднаго, рабочаго люда, его отзывчивость къ страданіямъ ближняго...

Былъ уже третій часъ, когда Филиппъ проснулся.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо, Настя!—пробормоталъ онъ,

сладко потягиваясь и оглядываясь по сторонамъ.—Тихо, все зелено... цвѣты вокругъ! Точно мы и не въ городѣ... А платочекъ эготъ откуда взялся?

— Я вамъ прикрыла голову отъ солнца!—отвѣчала ему дѣвушка.

— Спасибо! А все-таки напрасно вы не разбудили меня!—сказалъ Филиппъ.

— Мнѣ было жаль будить васъ... Вы такъ крѣпко спали!

— Мало ли чтò!.. Мнѣ, вѣдь, домой пора. У насъ въ три часа обѣдаютъ...

— Обѣдайте у насъ!—предложила Настя.—Право, оставайтесь! Голодны не будете...

— Знаю, что не буду голоденъ, но надо идти... Старикъ опять станетъ ворчать...—говорилъ Филиппъ, поднимаясь съ земли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

ПОВѢСТЬ

П. В. Засодимскаго.

(Продолженіе *).

III.

Филиппъ Шатровъ учился порядочно, переходилъ изъ класса въ классъ, только въ послѣднемъ классѣ просидѣлъ два года, потому что въ теченіе перваго года былъ долго боленъ. Никакихъ наградъ—ни книгъ, ни похвальныхъ листовъ—онъ не получалъ, чѣмъ отецъ его не мало огорчался. Филиппъ шелъ не блестяще, но ровненько.

— Хоть бы разъ когда-нибудь потѣшилъ,—принесъ бы похвальный листочекъ!—говорилъ однажды Александръ Васильевичъ.—Нѣтъ!.. Вонъ другихъ родителей дѣти радуютъ... А мой молодецъ—все съ пустыми руками!

— Не всѣмъ же первымъ номеромъ быть! — возразилъ сынъ.

— Ну, вотъ и толкуй тутъ!..—съ отчаяніемъ, махнувъ трубкой, сказалъ старикъ.

— Вонъ, наша Лида была въ гимназіи первымъ номеромъ, а вѣдь лучше оттого не стала!—продолжалъ Филиппъ.

— Ну, братецъ, не твое дѣло разсуждать объ этомъ...—съ сердцемъ замѣтилъ ему отецъ.—Она для меня истинное утѣшеніе и радость на старость лѣтъ... Да я бы что жъ безъ нея!.. Ты вѣдь ея мизинца не стоишь! Тебѣ—до нея, какъ до звѣзды небесной...

— Я ужъ это слыхалъ!—проговорилъ молодой человѣкъ, лицу его пробѣжала тѣнь.

— И еще послушай! — раздраженнымъ тономъ сказала старикъ.

Ничѣмъ нельзя было такъ огорчить его, какъ отозвавшись неблагосклонно объ его любимицѣ. Онъ думалъ, что Филиппъ злится, завидуетъ сестрѣ, и поэтому старикъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи при случаѣ унижить своего „блуднаго сына“, дать ему почувствовать свое нерасположеніе къ нему и непремѣнно провести параллель между Лидой и имъ—къ невыгодѣ его. Юноша, между тѣмъ, былъ далекъ отъ всякой зависти и злобы къ кому бы то ни было въ мірѣ, тѣмъ болѣе къ сестрѣ, но ему многое не нравилось въ Лидѣ, и онъ, по своему обыкновенію, не могъ притворяться...

— Вотъ за то, что она для тебя—радость и утѣшеніе, я многое и прощаю ей, а если бы еще не это...—промолвилъ Филиппъ.

— Нечего ей прощать! Сдѣлай милость! Лучше смотри за собой!—прикрикнулъ старикъ.

Филиппъ въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, замолкалъ. Онъ не считалъ сестру дурной дѣвушкой, злой и безсердечной, но ему были противны ея тщеславіе, суетность, ея преклоненіе передъ свѣтскими приличіями, порой ея легкомысліе и капризы, а также ея льстивость и угодливость по отношенію къ отцу. Ея угодливость и ласки иногда казались ему не совсѣмъ искренними. Безъ вызова со стороны отца Филиппъ не рѣшился бы откровенно высказаться о сестрѣ — тѣмъ болѣе, что онъ уже догадывался о томъ, что старикъ считаетъ его завистливымъ, и по внѣшности, пожалуй, онъ могъ показаться завидующимъ сестрѣ.

Не смотря на упреки и жалобы со стороны отца и на насмѣшки Лиды, Филиппъ продолжалъ подвигаться въ своемъ ученіи безъ фейерверковъ, шагъ за шагомъ... Онъ охотно занимался физикой, географіей, отчасти исторіей и словесностью, остальными же науками, входившими въ гимназическую программу, онъ мало интересовался. Онъ любилъ читать книги историческія, описанія путешествій, по естественнымъ наукамъ (Шлейденъ, Гартвигъ, Росмеслеръ, Брэмъ были его любимцы), изрѣдка читалъ и романы. Изъ-за чтенія, какъ и вообще на каждомъ шагу, у Филиппа съ сестрой происходили споры.

— Все-то у тебя эти французскія книжонки!—си однажды Филиппъ, перебирая у нея на столѣ желтѣ...

мики.—Шербюлье, Бурже, Жоржъ Онэ... Тфу! Какъ тебѣ не надоѣсть! Какъ будто ужъ и нѣтъ лучше книгъ!

— А, напрімѣръ, что же бы такое?—съ усмѣшкой спросила Лида.

— А, вонъ, я недавно прочиталъ „Пуританъ“ Вальтеръ Скотта... Что за чудесная книга!—съ восторгомъ вскричалъ юноша.

— Ну, ужъ нѣтъ! Благодарю!—возразила Лида.—Скука смертная — эти историческіе романы... Длинныя описанія, замки, да битвы... Читай ужъ самъ на здоровье! Мнѣ нужна жизнь, настоящая жизнь!

— Жизнь, жизнь!—передразнилъ ее братъ.—Много ты понимаешь... А въ „Пуританахъ“ развѣ нѣтъ жизни? Или ея меньше тамъ, что ли, чѣмъ въ твоёмъ Жоржѣ Онэ? Гм! Нѣтъ, тебѣ надо только любовь, да романическія интриги, таинственные незнакомцы, да свиданья тамъ гдѣ-нибудь—„подъ тѣнью струй“...

— Дуракъ!—съ презрѣніемъ отозвалась Лида.

— Ты у меня зато—умница!—сказалъ Филиппъ.

Разговоры между братомъ и сестрой нерѣдко оканчивались обмѣномъ подобныхъ любезностей.

Вообще же у Филиппа не было склонности къ сидячимъ, кабинетнымъ занятіямъ, но зато онъ былъ очень способенъ ко всякаго рода ручному труду, и его постоянно тянуло изъ комнаты въ огородъ, на дворъ, на улицу. Онъ любилъ рубить дрова, копать гряды, садить деревья и кустарники и т. п. Его еще сильнѣе тянуло изъ дому оттого, что ему не нравилось общество, собиравшееся у нихъ въ гостиной; на своемъ грубомъ, но сильномъ жаргонѣ онъ называлъ это общество „рвотнымъ“... Филиппъ не брезгалъ и такимъ ручнымъ трудомъ, какъ вязанье чулокъ, шнурковъ, мережъ, но болѣе предпочиталъ работу, требующую большой физической силы и ловкости.

Филиппъ страстно любилъ деревню, природу и „жизнь по природѣ“, какъ говорилъ онъ, но—къ сожалѣнію—ему не приходилось подолгу жить въ деревнѣ. Только иногда во время вакацій недѣли по двѣ—по три гостилъ онъ, бывало, то у того, то у другого изъ своихъ товарищей. Живя у товарища въ усадьбѣ, онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ въ полѣ, —^{или} въ сѣнахъ или въ лугахъ и за эти двѣ-три недѣли загоралъ, —^{или} мерзъ. Онъ ходилъ по деревнямъ, знакомился съ кре-

помогалъ имъ въ работахъ, съ величайшимъ на-

слаждениемъ закусывалъ съ ними гдѣ-нибудь въ полѣ, уплетая за обѣ щеки черный хлѣбъ, посыпанный крупной солью, и запивалъ этотъ завтракъ чистой, студеной водой. Сначала крестьяне дивились на этого барченка—на барченка не похожаго, посмѣивались надъ нимъ, надъ его неловкостью, а потомъ привыкли, полюбили и, бывало, издали завидѣвъ его, говорили:

— Вонъ Филиппъ идетъ на помощь!

— А добрый парень!—разсуждали крестьяне.

— Только ужъ больно черентъ-то... ровно галченкокъ! — замѣчали бабы.—И на барина-то не похожъ...

— Ну, нынче ихъ не разберешь: кто баринъ, кто не баринъ! — возражали мужики.—Баринъ иной—въ рубахѣ, а нашъ братъ — въ пинжакѣ... А что званье-то?.. На тѣлѣ званье-то не прописано...

Филиппъ перепробовалъ всѣ сельскія работы (за исключеніемъ молотбы); онъ отлично косилъ, научился жать, пахалъ, но—какъ самъ признавался — „неважно“...

— Пахать труднѣе, чѣмъ я думалъ!—говорилъ онъ.

Однажды Филиппъ въ благодушномъ настроеніи сидѣлъ у сестры въ комнатѣ. Лида тоже была въ болѣе благостномъ расположеніи духа, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе чего Филиппу было милостиво разрѣшено закурить папиросу и даже не было сдѣлано никакого замѣчанія — съ упоминаніемъ о свиньѣ, когда онъ, увлекшись, погрузился въ маленькое сестрино кресло и положилъ ноги на подоконникъ.

— Какъ было бы теперь хорошо, если бы я былъ крестьяниномъ! — заговорилъ онъ, выпуская дымъ къ потолку, какъ паровозная труба, и, прищурившись, съ мечтательнымъ видомъ посмотрѣлъ въ даль, то-есть, на противоположную стѣну, оклеенную хорошенькими обоями съ розовыми цвѣточками.—Да! Вотъ именно теперь, хоть бы съ такими знаніями, какъ у меня... Жить въ деревнѣ, постоянно на чистомъ воздухѣ, все лѣто въ полѣ... Ахъ, какъ было бы отлично!

— Да! Чего бы лучше...—въ тонъ ему, съ насмѣшкой замѣтила Лида.—Позвали бы тебя когда-нибудь въ волостное правленіе и выпороли бы... Чудесно!

— Ну, за что же?—съ неудовольствіемъ возразилъ Филиппъ.

— Мало ли „за что“!—отвѣтила сестра.—Нагруби старшинѣ или что-нибудь...

— Н-да-а!.. Но если бы, — немного подумавъ, сказалъ Филиппъ, — если бы и всѣ крестьяне были такіе же, вотъ какъ я, тогда не стали бы никого пороть...

— Да! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ... — отозвалась Лида. — Зубы позеленѣютъ до тѣхъ поръ, пока у крестьянъ будутъ такіе же знанія, какъ, напримѣръ, у тебя...

Филиппъ спустилъ ноги на полъ и задумчиво поглядѣлъ въ потолокъ, какъ бы что-то высчитывая и соображая.

— Лѣтъ черезъ пятьдесятъ — черезъ семьдесятъ... — началъ онъ.

— Ну, да! Когда насъ въ живыхъ не будетъ! — сказала дѣвушка.

— Нѣтъ, Лидочка! ты все не то толкуешь... — настойчиво заговорилъ Филиппъ. — Ни за что — ни про что не станутъ же меня наказывать... А какъ бы отлично зажили! Отецъ ловилъ бы рыбу, а ты...

— Нѣтъ, голубчикъ, уволь! Я ужъ съ граблями не пошла бы въ поле, да не стала бы и жать, наклоняться въ три погибели...

— Не изячно, машерочка? Да? — со смѣхомъ замѣтилъ Филиппъ. — А зато Лида, какъ бы къ тебѣ пошелъ русскій костюмъ... Ты — такая толстая и...

— Ну, ну, пожалуйста! Не распространяйся! — остановила его дѣвушка съ благосклонной улыбкой, намекавшей на то, что такой оборотъ разговора не доставлялъ ей особеннаго неудовольствія.

Именно только мечтой о „жизни по природѣ“ и можно объяснить то обстоятельство, что Филиппъ за послѣднее время рѣшился, по выходѣ изъ гимназіи, идти не въ Университетъ, но въ Лѣсной Институтъ. Если нельзя ему жить въ полѣ, то онъ уйдетъ въ лѣсъ...

Такъ какъ Филиппъ былъ не крестьянинъ, но потомственный дворянинъ и, учась въ гимназіи, крестьяниномъ сдѣлаться не могъ, то онъ и ограничивался пока лишь тѣмъ, что задалъ знакомства въ средѣ рабочаго люда и при всякомъ удобномъ случаѣ норовилъ улизнуть изъ дому къ этимъ своимъ знакомымъ изъ „непривилегированнаго слоя общества“. Знакомства послужили причиной цѣлаго ряда непріятностей, недоразумѣній, споровъ и раздорѣвъ, возникавшихъ между нимъ и отцомъ.

Старикъ Патровъ былъ человекъ вовсе не злой и добрый: онъ былъ человекъ довольно образованъ.

читанный, натура нѣжная, чувствительная къ горю ближняго. Не говоря уже о томъ, что онъ никогда не отказывалъ въ подавнн нищимъ, погорѣльцамъ, убогимъ и вообще обездоленному люду, онъ, помимо того, всегда охотно шелъ на помощь бѣдняку, былъ готовъ подать совѣтъ, утѣшеніе и на денежное подаванье былъ всегда щедръ. Но въ немъ крѣпко жили сословныя предразсудки, развитыя и культивированныя цѣлымъ рядомъ предшественныхъ поколѣній. „Всякій сверчокъ знай свой шестокъ! Каждому груздю свое мѣсто! Въ чужія сани не садись!“ были его любимыя поговорки и постояннымъ девизомъ въ жизни. Онъ всегда былъ готовъ лѣчить больного, выручить изъ бѣды какого-нибудь разночинца, придти на помощь къ мѣщанину или крестьянину, но придти, какъ баринъ, какъ благодѣтель, какъ существо высшее, творящее добро; фамиллярничать съ лавочникомъ, съ мѣщаниномъ или мужикомъ онъ считалъ для себя, просто, невозможнымъ.

— Какъ же я допущу быть со мной за панибрата такого человѣка, который меня не понимаетъ и понять не можетъ!— говорилъ онъ.

И когда ему пришлось однажды въ качествѣ присяжнаго очутиться въ окружномъ судѣ рядомъ съ крестьяниномъ, обыкновенно чистившимъ у него дворъ, то онъ, лишь скрѣпя сердце, покорился этой неизбѣжной непріятности и сидѣлъ съ такимъ мученическимъ видомъ, что невольно напоминалъ собой страдальцевъ за вѣру изъ первыхъ вѣковъ христіанства, готовившихся покорно и терпѣливо выносить всевозможныя истязанія со стороны бѣснующихся язычниковъ.

Помимо своихъ исконныхъ предразсудковъ и предубѣжденій онъ еще съ особеннымъ раздраженіемъ относился къ знакомымъ сына: старику казалось, что Филиппъ пренебрежительно относится вообще къ наукѣ, къ ученымъ и умышленно устранился отъ общества людей образованныхъ, предпочитая ему общество „кузнецовъ и трубочистовъ“ (въ дѣйствительности у Филиппа между трубочистами не было ни одного знакомаго, но старику почему-то нравилось помѣщать его, непременно рядомъ съ этими черномазыми, хотя тѣмъ не менѣе весьма полезными и почтенными джентльменами).

Филиппъ видѣлъ, что его знакомые не нравятся отцу, упоминанія о нихъ сердятъ его и раздражаютъ, а поэтому юноша при отцѣ старался не заводить рѣчи о своихъ столарахъ и кузнецахъ. Но въ то же время онъ никакъ не могъ вбить себѣ въ голову мысль о томъ, что знакомство съ Никитой или

кимъ почтеннымъ старикомъ, какъ слесарь и маляръ, Алексѣй Петровъ, неприличіе и предосудительнѣе знакомства, напри-мѣръ, съ акцизнымъ надзирателемъ или съ какимъ-нибудь дру-гимъ чиновникомъ... Въ прежнее время недоразумѣнія и раз-ногласія между сыномъ и отцомъ иногда принимали очень рѣз-кій, острый характеръ. Филиппъ, бывало, соберется идти къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, а отецъ сердито крикнетъ:

— Не смѣй уходить! Сиди! Оставайся дома!..

И мальчикъ, тяжело вздохнувъ, уходилъ къ себѣ въ ком-нату и уже не въ первый разъ спрашивалъ себя: „За что отецъ меня не любитъ?“ и отвѣта не находилъ.

Иногда Филиппу удавалось ускользнуть со двора, а по воз-вращеніи его дома опять ожидала баталія.

— Ну, ужъ погоди! Бабушка-то покойница избаловала тебя... Доберусь я до тебя... Погоди!..

Но время этихъ окриковъ, угрозъ и баталій уже миновало. Уже около пяти лѣтъ Филиппъ пользуется относительной сво-бодой, а отецъ оставилъ за собой лишь неотъемлемое право брюзжать и ворчать на него съ утра до ночи и, такимъ обра-зомъ, хотъ чѣмъ-нибудь донимать его и отравлять ему суще-ствованіе въ отместку за тѣ непріятности, какія сынъ достав-лялъ ему... Теперь Филиппъ уже безвозбранно столярничалъ съ Никитой, давалъ уроки Настѣ, учился слесарному дѣлу у Алексѣя Петрова и работалъ въ кузницѣ... Кузнецъ Василій Ѳедоровъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ его благопріятелей.

Въ тотъ же самый день, когда Филиппъ Шатровъ, съ та-кой пріятностью и пользой провелъ утренніе часы у Насти въ огородѣ, вечеромъ отправился онъ на край города къ своему пріятелю-кузнецу. Онъ нѣсколько дней подѣ-рядъ сидѣлъ надъ книгами и теперь чувствовалъ настоящую, живѣйшую по-требность поработать въ кузницѣ—поразмять руки и ноги.

Кузнецъ Василій Ѳедоровъ былъ извѣстный силачъ,—че-ловѣкъ дюжій, могучій, высочайшаго роста, со смуглымъ, нѣ-сколько мрачнымъ, умнымъ лицомъ. Онъ былъ смиренъ и кро-токъ, какъ агнецъ,—былъ грамотенъ, по больше любилъ слу-шать, какъ читають другіе, и любилъ поразсуждать о прочи-танномъ...

Его почернѣвшая, закоптѣлая кузница пріютилась немного въ сторонѣ отъ дороги за послѣдними домами городского пред-... Когда Филиппъ въ тотъ вечеръ подходилъ къ кузницѣ, ж. ея стоялъ въ дверяхъ и, утирая потъ съ раскраснѣв-

шагося лица, смотрѣлъ изъ-подъ руки на солнышко, уже низко стоявшее надъ землей.

— А-а! Давно, давно не видать!—заговорилъ кузнецъ, увидавъ своего юнаго благопріятеля.

— Какъ поживаешь, Ѳедоровъ? Работа есть?—отозвался Филиппъ, дружески подавая ему руку,—и рука его, не особенно маленькая, совсѣмъ исчезла въ огромной, покрытой копотью ручищѣ кузнеца.

— Да, вотъ, рѣшетку мастерю... заказали на могилу... Кончаю!—отвѣтилъ кузнецъ.

— А огонь есть? Такъ давай покую!—вскричалъ Филиппъ и, скинувъ фуражку и сюртукъ, юркнулъ въ зіяющее, черное, какъ пасть, отверстіе кузницы.

— Куй, пожалуй, коли охота есть!—съ усмѣшкой замѣтилъ хозяинъ и, присѣвъ на сѣрый камень, лежавшій у двери кузницы, сталъ набивать свою коротенькую трубку-посогрѣйку.

Филиппъ пораздулъ мѣхами огонь въ горнѣ, выхватилъ оттуда щипцами докрасна раскаленную полосу желѣза, положилъ ее однимъ концомъ на наковальню и началъ проворно и ловко отбивать ее молотомъ,—и въ полумракѣ кузницы золотистыя искры огненнымъ дождемъ посыпались изъ-подъ молота на земляной полъ.

— Ну-ка, Ѳедоровъ! Посмотри!—крикнулъ Филиппъ.

Великапъ медленно поднялся съ камня и заглянулъ въ кузницу.

— Ладно! Только верхній конецъ надо заострить!—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на работу своего понятливаго ученика.—Вотъ такъ... такъ! Хорошо!

Пока Филиппъ отдѣлывалъ одну полосу, другая той порой накаливалась въ горнѣ, и работа шла быстро.

— Молодецъ, ваше благородіе!—пошучивалъ кузнецъ.—Вонъ и солнышко закатилось... не пора ли домой!

Василій погасилъ огонь, прибралъ все въ кузницѣ, заперъ ее, и пріятели отправились по окраинѣ города на берегъ рѣки, гдѣ — защищенный высокимъ, крутымъ обрывомъ — ютился домишко кузнеца. Здѣсь, не входя въ хату, они присѣли на лавочку, стоявшую подъ окномъ.

Рѣка спокойно катила передъ ними свои тихія, синія воды, отражая въ нихъ и зеленые берега, и рыбацьи огоньки, и блѣдный мѣсяцъ, высоко стоявшій надъ землею, и всю бездонную чашу яснаго, голубого неба. Волны мѣрно, чуть слышно, скалились на берегъ, покрытый шепками и мелкимъ камнемъ.

шагося лица, смотрѣлъ изъ-подъ руки на солнышко, уже низко стоявшее надъ землей.

— А-а! Давно, давно не видать!—заговорилъ кузнецъ, увидавъ своего юнаго благопріятеля.

— Какъ поживаешь, Ѳедоровъ? Работа есть?—отозвался Филиппъ, дружески подавая ему руку,—и рука его, не особенно маленькая, совсѣмъ исчезла въ огромной, покрытой копотью ручищѣ кузнеца.

— Да, вотъ, рѣшетку мастерю... заказали на могилу... Кончаю!—отвѣтилъ кузнецъ.

— А огонь есть? Такъ давай покую!—вскричалъ Филиппъ и, скинувъ фуражку и сюртукъ, юркнулъ въ зіяющее, черное, какъ пасть, отверстіе кузницы.

— Куй, пожалуй, коли охота есть!—съ усмѣшкой замѣтилъ хозяинъ и, присѣвъ на сѣрый камень, лежавшій у двери кузницы, сталъ набивать свою коротенькую трубку-посогрѣйку.

Филиппъ пораздулъ мѣхами огонь въ горнѣ, выхватилъ оттуда щипцами докрасна раскаленную полосу желѣза, положилъ ее однимъ концомъ на наковальню и началъ проворно и ловко отбивать ее молотомъ,—и въ полумракѣ кузницы золотистыя искры огненнымъ дождемъ посыпались изъ-подъ молота на земляной полъ.

— Ну-ка, Ѳедоровъ! Посмотри!—крикнулъ Филиппъ.

Великанъ медленно поднялся съ камня и заглянулъ въ кузницу.

— Ладно! Только верхній конецъ надо заострить!—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на работу своего понятливаго ученика.— Вотъ такъ... такъ! Хорошо!

Пока Филиппъ отдѣлывалъ одну полосу, другая той порой накаливалась въ горнѣ, и работа шла быстро.

— Молодецъ, ваше благородіе!—пошучивалъ кузнецъ.— Вонъ и солнышко закатилось... не пора ли домой!

Василій погасилъ огонь, прибралъ все въ кузницѣ, заперъ ее, и пріятели отправились по окраинѣ города на берегъ рѣки, гдѣ — защищенный высокимъ, крутымъ обрывомъ — ютился домишко кузнеца. Здѣсь, не входя въ хату, они присѣли на лавочку, стоявшую подъ окномъ.

Рѣка спокойно катила передъ ними свои тихія, синія воды, отражая въ нихъ и зеленые берега, и рыбацьи огоньки, и блѣдный мѣсяцъ, высоко стоявшій надъ землею, и всю бездонную чашу яснаго, голубого неба. Волны мѣрно, чуть слышно скались на берегъ, покрытый щепками и мелкимъ каменемъ.

Неподалеку лодка покачивалась у берега на причалѣ. Замок-кавшій городской гулъ смутно доносился сюда.

Посидѣли пріятели, потолковали; одинъ скрутилъ папиросу, другой закурилъ трубочку,—и синеватые струйки дыма медленно расплывались въ воздухѣ.

— Давно ты, Филиппъ Александровичъ, ничего мнѣ не читалъ...—заговорилъ кузнецъ. — Взять бы книжку... Вонъ вѣдь нынче и по ночамъ-то, какъ днемъ свѣтло... Право!

— Ну, что жъ! Давай! Почитаемъ...—согласился Филиппъ.

Василій Ѳедоровъ былъ вдовецъ, бездѣтный и одинокій, и въ одной половинѣ своей хаты приютилъ Максимовну, старуху безъ роду—безъ племени, получавшую отъ городской думы пенсію 1 руб. 60 коп. въ годъ. Старуха жила у кузнеца въ качествѣ неплатящей постоялки и завѣдывала его немудренымъ хозяйствомъ... Василій сходилъ въ избу и принесъ оттуда Библию, большую, толстую книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ. За нимъ выбрела и Максимовна, сѣла на порогъ двери и тоже собралась слушать.

— Вѣдь мы въ тотъ разъ читали Посланіе апостола Іакова, да не кончили...—замѣтилъ кузнецъ.

— Да! Остановились мы на 5-й главѣ!—сказалъ Филиппъ, раскрывая книгу. — Вотъ тутъ и закладочка...

„Послушайте вы, богатые,—внятно и выразительно читалъ Филиппъ:—плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ.

„Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью.

„Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ, и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни.

„Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ; и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоа.

„Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напители сердца ваши, какъ бы на день закланія.

„Вы осудили, убили праведника; онъ не противился вамъ.

„И такъ, братія, будьте долготерпѣливы до пришествія Господня. Вотъ, земледѣлецъ ждетъ драгоцѣннаго плода отъ земли, и для него терпѣть долго, пока получить дождь ранній и поздній.

... „Долготерпите и вы, укрѣпите сердца ваши; потому что чествіе Господне приближается“...

— А-ахъ, и тутъ хорошо все тутъ написано!..—замѣ-

тилъ кузнецъ, когда Филиппъ остановился, чтобы скрутить папиросу: Василій Ѳеодоровъ любилъ подумать и поразсуждать надъ прочитаннымъ. — Только какъ это понимать: „Пришествіе Господне приближается“... Значить, братецъ ты мой, скоро...

Кузнецъ не договорилъ... Въ ту минуту вечернее безмолвіе было неожиданно прервано. Съ одной изъ городскихъ колоколенъ послышался тревожный, торопливый звонъ набата. Молодой человѣкъ передалъ книгу Василью и, сорвавшись съ мѣста, быстро взбѣжалъ на крутой береговой бугоръ. „Не въ Волчьемъ ли переулкѣ, или не на Московской ли улицѣ горитъ?..“ Надъ южнымъ предмѣстьемъ города поднимались густые, тяжелые клубы темнаго дыма и, какъ сказочное чудовище, ползли-расползались по свѣтлomu, голубому небу. Въ дыму, какъ молнія, поблескивало багровое пламя, — и Филиппу чудилось, что онъ уже слышитъ шумъ, трескъ и гулъ чело-вѣческихъ голосовъ.

— Въ Солдатской Слободѣ, кажется, горитъ! Я побѣгу! — крикнулъ Филиппъ своему пріятелю и, дѣйствительно, пустился бѣгомъ ближайшей дорогой — по знакомымъ переулкамъ — туда, гдѣ валилъ черный дымъ...

Одна изъ характерныхъ особенностей, Филиппа заключалась въ томъ, что онъ, узнавъ о пожарѣ, не могъ спокойно усидѣть на мѣстѣ и, не обращая ни на что вниманія, мчался тушить пожаръ. Вотъ по этой-то причинѣ у него и съ пожарными завязалось знакомство, за которое отецъ и сестра постоянно донимали его... И не разъ Филиппъ спасалъ растерявшимся бѣднякамъ ихъ убогое, скудное имущество. А однажды, годъ тому назадъ, онъ съ опасностью жизни даже спасъ маленькую, трехлѣтнюю дѣвочку, забытую въ горѣвшемъ домѣ. Крыша, объятая огнемъ, трещала и ежеминутно была готова обрушиться, когда онъ вскочилъ въ сѣни, уже полныя дыма. Онъ вытащилъ ребенка полузадохшагося — и самъ пострадалъ: нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того у него сильно болѣли глаза, и онъ долженъ былъ на второй годъ остаться въ послѣднемъ классѣ.

Люди, присутствовавшіе на томъ пожарѣ и бывшіе свидѣтелями этого подвига, говорили Филиппу:

— Вѣдь вамъ слѣдуетъ медаль за спасеніе погибающихъ... Мы — свидѣтели... Хотите, сейчасъ же пойдемъ — составимъ протоколъ!..

— Ну, зачѣмъ же! — смутившись, сказалъ Филиппъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Иногда Филиппъ отправлялся на мѣсто несчастія вмѣстѣ съ пожарными, примостившись позади бочки или у трубы. А иногда даже раньше пожарныхъ поспѣвалъ на мѣсто... И за свою неустрашимую дѣятельность при тушеніи пожаровъ Филиппъ Шатровъ пользовался у насъ въ городѣ большой популярностью, въ особенности въ средѣ бѣднаго, рабочаго люда, чаще всего погорающаго и страдающаго больше всѣхъ отъ огня.

Въ тотъ разъ въ Солдатской Слободѣ—въ одной изъ бѣднѣйшихъ городскихъ окраинъ—сгорѣли три извозчичьи сарая и пять домовъ, тѣсно ютившихся одинъ къ другому... Филиппъ возвратился домой уже въ два часа ночи—или, вѣрнѣе сказать, по утру, уже незадолго до солнечнаго восхода,—и возвратился нашъ герой въ самомъ жалкомъ видѣ: весь облитый водой, съ лицомъ, запачканнымъ въ сажѣ, съ грязными руками; фуражка его въ нѣсколькихъ мѣстахъ была прожжена, а одинъ сапогъ—проколотъ, очевидно, гвоздемъ.

Осторожно, на цыпочкахъ, чтобы не разбудить своихъ домашнихъ, прошелъ онъ въ свою комнату и не успѣлъ еще снять намокшаго сюртука, какъ дверь тихо отворилась и вошла Лида вся въ бѣломъ и съ распущенными волосами, какъ русалка. Она еще недавно возвратилась домой и не успѣла заснуть.

— Ахъ, Боже мой! Филиппъ! Въ какомъ ты видѣ!—вполголоса вскричала она, сложивъ руки и прижимая ихъ къ груди.—На что ты похожъ!.. Ужасъ! Ужасъ!

— На балъ не гожусь? Да?—со смѣхомъ замѣтилъ Филиппъ.

Филиппъ, мокрый, весь въ сажѣ, въ грязи, въ самомъ дѣлѣ, могъ показаться барышнѣ пугаломъ.

Оба они—братъ и сестра—при блѣдномъ, передутреннемъ освѣщеніи казались блѣднѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности: одна—отъ танцевъ, другой—отъ пережитыхъ волненій прѣтекшей ночи.

— Ужъ тебѣ, Филиппъ, когда-нибудь голову проломать! сказала дѣвушка, съ кислой гримасой поглядывая на него.

— Не тебѣ, Лидочка, проломать голову!—спокойно возразилъ ей Филиппъ.

— Какія милыя разсужденія!..—замѣтила Лида.—Отъ каждый разъ такъ беспокоится о тебѣ... И какъ-будто тебя ужъ некому тушить пожаръ!

— Если бы, душечка, всѣ такъ разсуждали, какъ ты,

конечно, тогда некому было бы и тушить!.. Ну, а теперь—исчезни! Я буду раздѣваться!—рѣшительно сказалъ Филиппъ и сталъ стаскивать съ себя намокшую одежду.

— Все—фантазіи!—съ пренебреженіемъ промолвила дѣвушка, отвернувшись, и—вся залитая сіяніемъ зари—медленно пошла изъ комнаты, блестя своими великолѣпными, распущенными волосами.

IV.

Двѣ недѣли прошли послѣ описанныхъ маленькихъ происшествій.

Красноватые утренніе лучи горячаго іюньскаго солнца опять весело озаряли знакомую читателямъ столовую сѣраго, двухъэтажнаго дома на Московской улицѣ. Опять отецъ бесѣдовалъ съ сыномъ. Сынъ, въ расшитой русской рубахѣ и попрежнему подпоясанный гимназическимъ ремнемъ съ мѣдной бляхой, стоялъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ сіявшую, золотившуюся даль. Въ рукѣ онъ держалъ фуражку,—очевидно, собирался куда-то идти, но разговоръ съ отцомъ задержалъ его. Отецъ, держа въ одной рукѣ газету и трубку, попивалъ чай, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ за самоваромъ. Лида въ бѣлой утренней блузѣ, съ наскоро закрученными волосами, полулежала на кушеткѣ, протянувъ ноги, и „загоняла свиней“, (извѣстная игра, теперь уже устарѣвшая, но въ ту пору только что еще проникшая изъ центровъ просвѣщенія въ нашу глухую провинцію).

— Ну, вотъ... ты ничего не скажешь: какъ ты выдержалъ послѣдніе экзамены? Кончилъ ли, наконецъ? Получишь ли аттестатъ?—говорилъ старикъ Шатровъ, разглаживая усы концомъ своего длиннаго черешневого чубука.

— Экзамены выдержалъ... Аттестатъ, вѣроятно, получу!—хотя отвѣтилъ сынъ.

— Гм! „Вѣроятно...“ Значитъ, еще не навѣрное!—замѣтилъ отецъ.

Филиппъ, молча, отвернулся къ окну. Это его совершенно новое движеніе сразу всколыхнуло и подняло всю желчь раздражительнаго старика.

— Вотъ, Филиппъ, ты всегда такой... съ самаго дѣтства—заговорилъ Александръ Васильевичъ.—Волченокъ...

— Никогда ни о чемъ не поговоришь со мной! (При словахъ юноша грустно улыбнулся). Вѣдь, вонъ, та...

со своими пріятелями—мастеровыми, я думаю, ты тоже раз-
глагольствуешь, ораторствуешь, и самъ, не бойсь, радъ, что
эти пентюхи слушаютъ тебя, разиня ротъ... А вотъ съ отцомъ
побесѣдовать тебѣ не о чемъ! Я ужъ не говорю о томъ, чтобы
ты когда-нибудь, хоть ненарокомъ, хоть бы въ шутку, прилас-
кался ко мнѣ... да ужъ я этого и не требую! Не жду!

— Да какъ же, отецъ, стану я къ тебѣ ласкаться, когда
ты относишься ко мнѣ какъ-то такъ...—возражалъ Филиппъ.—
Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помнить себя, ты постоянно
только брюзжишь и ворчишь на меня... Ты самъ никогда меня
не приласкалъ. А теперь я и—„волчонокъ“, и „дикій“...

— Ну, само собой, разумѣется, виновать я, а вы всегда
правы...—ироническимъ тономъ перебилъ старикъ, переходя
въ чувствительный тонъ.—Э-эхъ, дѣточки, дѣточки! Сколько
съ вами трудовъ, хлопотъ, всякаго безпокойства испытаетъ,
выростишь васъ, поставишь на ноги, а благодарности не
жди... Нѣтъ!

— Да вѣдь если строго-то разобрать, отецъ, такъ вѣдь,
право же, дѣло совершенно естественное, если ты кормилъ-
поилъ меня и поучилъ кое-чему...—сказалъ Филиппъ, смотря
на старика.—Если ты постарался о томъ, чтобы жизнь была
для меня лучше, а не каторгой,—то какъ же иначе... И
звѣрь своихъ дѣтенышей не бросаетъ на произволъ судьбы...

Старикъ слегка поблѣднѣлъ и взялся за бороду, что было
у него несомнѣннымъ признакомъ сильнаго душевнаго волненія.

— О-го-го-го! Вотъ какой философіи вы нынче придержи-
ваетесь!—съ сардоническимъ смѣхомъ вскричалъ старикъ.—
Такъ, такъ! Прекрасно! Шиллеровскихъ „Разбойниковъ“ на-
читались? Тамъ, помнится, что-то есть въ этомъ родѣ... Вижу,
вижу...

— Да перестань, пожалуйста, Филиппъ! Что ты это гово-
ришь!—съ негодующимъ видомъ обратилась Лида къ брату,
крайне раздосадованная тѣмъ, что ей ни разу не удалось за-
гнать „свиней“, куда слѣдуетъ.

Дѣвушка подошла къ отцу и, положивъ руку ему на плечо,
посмотрѣла на Филиппа съ такимъ вызывающимъ видомъ, какъ
будто собиралась защищать старика отъ цѣлой шайки разви-
рѣвшихъ злодѣевъ.

— Какъ ты смѣешь, Филиппъ, такъ говорить съ папа-
шей!—сказала она, гнѣвно смотря на брата.—Смотри: какъ
ты разстроилъ его своими глупостями! Какъ тебѣ не стыдно...

— Что жъ такое!.. Я только мысль высказалъ, а я, ко-

нечно, очень благодаренъ тебѣ за все...—въ смущеніи, вертя фуражку, — промолвилъ Филиппъ, взглядывая на отца. — Я все не хотѣлъ тебя огорчать... а если огорчилъ, прости, пожалуйста! Честное слово, я не думалъ, что ты...

— Сдѣлай милость, не извиняйся! Ни твоей благодарности, ни извиненій мнѣ не нужно...—дрожащимъ голосомъ сказалъ старикъ, беря Лиду за руку.

— Ну, не волнуйся, папочка! Успокойся!—шептала Лиди, наклоняясь къ отцу. — Вѣдь твоя дочурка съ тобой... Вотъ она!

И старикъ обнялъ ее за шею, цѣловалъ ее въ лобъ и съ нѣжной лаской гладилъ ее по волосамъ...

— Филиппъ Александровичъ! Васъ тамъ спрашиваютъ... Пришли!—заявила Марѳа, заглядывая изъ корридора въ столовую.

Молодой человѣкъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— Кто тамъ? Кто пришелъ?—спросилъ Александръ Васильевичъ, но Марѳа въ то утро была не въ духѣ и удалилась, пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ.

А Филиппъ, выйдя въ сѣни, увидалъ внизу лѣстницы Настю и былъ пораженъ и испуганъ ея блѣднымъ, страшно разстроеннымъ лицомъ.

— Что съ вами, Настя?—вскричалъ онъ, сбѣгая съ лѣстницы.

— Филиппъ Александровичъ! Придите, пожалуйста, къ намъ! — съ умоляющимъ видомъ обратилась къ нему дѣвушка. — Отецъ заболѣлъ, а брата нѣтъ... вчера уѣхалъ въ деревню за тесомъ... Я одна.. боюсь... Я такъ измучилась съ нимъ... всю ночь возилась... Пожалуйста, Филиппъ Александровичъ, если можно!..

Въ голосѣ ея слышались слезы.

— Конечно, можно!—съ жаромъ сказалъ Филиппъ. — Я сейчасъ же съ вами и пойду...

— Лидочка! Взгляни въ окно! Не ушелъ ли онъ?—говорилъ той порой Александръ Васильевичъ дочери.

Та прошла въ гостиную и заняла обсерваціонный пунктъ у бокового окна, изъ котораго далеко было видно по улицѣ и въ ту, и въ другую сторону.

— Онъ пошелъ, кажется, съ этой... съ Фролкиной дочерью! — сказала Лиди, черезъ минуту возвратившись изъ гостиной. — Пошли куда-то въ ту сторону, къ заставѣ... вѣроятно, отправился къ нимъ!

— Да что жъ это будетъ?—раздраженнымъ тономъ кри-

нулъ старикъ.—Это ужъ я не знаю... такое нахальство! такое нахальство!.. Нѣтъ! Надо все это прекратить, наконецъ... Это... это невозможно!..

Старикъ порывисто поднялся съ кресель, молча прошелся взадъ и впередъ и остановился среди комнаты.

— О, Господи!—дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ онъ, съ трагическимъ видомъ хватаясь руками за голову.—Господи! За что Ты такъ жестоко наказываешь меня... въ сынѣ!

Въ комнатѣ было тихо, только слышалось, какъ канарейка порхала въ клѣткѣ и чистила о жердочку клювъ. Лнда смиренно потупила глаза и со вздохомъ низко поникла своею хорошенькой головкой.

— А докторъ былъ? — спрашивалъ Филиппъ, торопливо направляясь съ Настей къ розовому домику.

— Былъ! Да что жъ... Даль нюхать какого-то спирту, а лучше нѣтъ!—съ грустью говорила дѣвушка.

Филиппъ засталъ больного, дѣйствительно, въ ужасномъ состояніи. Старикъ никого не узнавалъ и страшно тарачилъ свои мутные, бессмысленные глаза. Обрюзгшее лицо его тѣ багровѣло, тѣ блѣднѣло, принимая землистый, желтовато-синій оттѣнокъ. Его мучило удушье,—одолѣвали видѣнія, ясныя обыкновеннаго ему слышались голоса, грезились призраки прошлаго... Онъ сидѣлъ съ закутанными ногами, прижавшись къ спинкѣ кресла и съ усиліемъ цѣпляясь за его ручки своими длинными костлявыми пальцами.

— Зачѣмъ пришла она сюда... эта женщина?—шепталъ онъ и, тяжело дыша, метался въ креслѣ.—Помню ее... Я тогда...

Старикъ вдругъ выпрямился, поднялъ руку, размахнулся, но въ то жъ мгновеніе рука безсильно опустилась и повисла, какъ плеть.

— Уйди, уйди!—шепотомъ заговорилъ онъ, въ ужасѣ смотря передъ собой,—а зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ и сѣдые волосы на головѣ шевелились и поднимались дыбомъ.

— Да никого же нѣтъ, родной!..—успокаивала его Настя.—Вѣдь это я... да вотъ—Филиппъ Александровичъ.

— Нѣтъ! Все не уходитъ... и не уйдетъ! Не уйдетъ!—не слушая ее, съ отчаяніемъ бормоталъ больной.—Ну, вотъ еще и этотъ... Зачѣмъ, зачѣмъ пришелъ? Уйдите отъ меня. Уйди-и-те-е-е!—дикимъ, душу раздражающимъ голосомъ закричалъ старикъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ и напрасно стараясь подняться съ кресла.

— Онъ сталъ задыхаться. Настя бросилась къ нему и под-

несла къ его лицу тряпку, намоченную въ какомъ-то спирту. Больной закрылъ глаза, вытянулся и, обезсиленный страданіями, какъ будто погрузился ненадолго въ забытѣе.

— Вотъ все утро съ трехъ часовъ этакъ... и ночь не спалъ!—шепотомъ промолвила дѣвушка.—То затихнетъ, то закричитъ... Ахъ, какъ онъ кричалъ!.. Нельзя оконъ открыть... даже шторы спустила... Хоть и душно, да что жъ дѣлать!

— И отчего это съ нимъ? Что это такое?—спросилъ Филиппъ, съ состраданіемъ посматривая на старика.

— Докторъ говорить: оттого, что прежде много пилъ...—отвѣтила дѣвушка.

— Вы, Настя, устали,—идите спать, а я останусь съ больнымъ, посижу вотъ тутъ, въ мастерской...—шепотомъ сказалъ ей Филиппъ.

Настя отказывалась пойти спать, но Филиппъ уговорилъ ее. Не прошло и часу, какъ Настя уже возвратилась къ нему.

— Уже?—съ удивленіемъ обратился къ ней Филиппъ.

— Да... поспала!—слабымъ голосомъ промолвила дѣвушка, опускаясь на стулъ у двери и слѣдя оттуда за больнымъ.—Мнѣ, право, такъ совѣстно, что я побеспокоила васъ и притащила сюда...

— Вѣдь я же теперь безъ дѣла... вы знаете!—сказалъ онъ.

Томительно проходилъ въ розовомъ домикѣ длинный іюньскій день... То больной принимался бредить и метаться, и страшно вскрикивалъ, отмахиваясь руками отъ наступавшихъ на него призраковъ; то онъ смолкалъ, и въ домикѣ наступала тишина, и въ этой тишинѣ мрачно и зловѣще чувствовалось приближеніе смерти...

Дѣвушка то шепотомъ переговаривалась съ Филиппомъ, то сидѣла, молча, печально поникнувъ головой, то уходила отдыхать и черезъ нѣсколько минутъ возвращалась въ мастерскую. Она предложила Филиппу пообѣдать, но тотъ отказался и попросилъ у нея чаю.

Вотъ и вечеръ наступилъ,—и тѣни сгустились въ розовомъ домикѣ. Настя зажгла небольшую жестяную лампочку и, загородивъ ее книгой, поставила на столъ.

— А брата все нѣтъ... просто, не знаю: чтó и дѣлать!—шептала Настя, тихо, неслышно, какъ тѣнь, переходя изъ комнаты въ комнату въ своихъ мягкихъ туфляхъ...

Старикъ Шатовъ и его дочь въ тотъ вечеръ довольно поздно разошлись по своимъ комнатамъ. Александръ Васильевичъ продолжалъ спивлялся: не возвратился ли Филиппъ, не

„блуднаго сына“ было не видать... И отецъ, грозно хмури брови, говорилъ:

— Это что жъ такое? Онъ ужъ нынче и почуветь у нихъ, что ли?.. Нѣтъ! Завтра я окончательно переговорю съ нимъ... основательно поговорю!..

— Не тревожь себя, папочка! Ну, его...—успокаивала его Лида.

— Я смотрю на него и удивляюсь...—какъ бы не слушая ее, задумчиво продолжалъ старикъ.—Откуда у него такія низменные чувства, такія вульгарныя склонности... это его желаніе искать общества ниже себя... Я иногда смотрю на него и думаю: точно онъ мнѣ и не сынъ. Ты, вѣдь, слыхала: какъ онъ говорить со мной!—обратился онъ къ Лидѣ.— Ни нѣжности, ни участія... ничего такого... Совсѣмъ чужой человѣкъ! А-ахъ, дѣточки, дѣточки!

— Вѣдь онъ и со мной, папа, такой же...—говорила Лида, наклоняясь къ отцу и ласкаясь къ нему.—Мы съ нимъ ни въ чемъ не сходимся... Вѣчно онъ носится съ какими-то фантазіями...

Старикъ тяжело вздохнулъ и задумчиво гладилъ Лиду по головѣ, какъ привыкъ гладить ее еще съ тѣхъ поръ, какъ она, бывало, маленькой дѣвочкой, играя, сидѣла у него на колѣняхъ. Старикъ нравились ея бѣлокурые, мягкіе и шелковистые волосы...

— Папочка! Ты мнѣ дашь денегъ?—тихо говорила Лида.—Мнѣ хочется сдѣлать новый лѣтній костюмъ... сѣрый, знаешь, съ голубой отдѣлкой... Вотъ какъ у Маруси!

— Ну, что жъ! Къ тебѣ, милочка, голубое идетъ...—нѣсколько разсѣянно промолвилъ старикъ.

— Такъ я завтра съѣзжу къ madame Лорье и закажу!—продолжала Лида.

— Да, да! Закажи!—отозвался отецъ.

Деньги!.. Она просить денегъ!.. Да развѣ онъ пожалѣлъ бы чего-нибудь для своей любимицы?..

А въ розовомъ домикѣ, между тѣмъ, медлительно проходила ночь... Около полуночи выпало такое время, когда больной затихъ, и молодые люди, измученные усталостью, оба задремали. Дремали они, конечно, нѣсколько минутъ, но имъ показалось, что они спали долго—и проснулись, услыхавъ стоны больного.

— О-о! Уйдутъ ли они отъ меня?—взывалъ онъ къ тому-то невидимому.

Забрезжило утро... Воробьи зачирикали подь окномъ. Блѣдно-розовое сіянье зари отражалось на бѣлыхъ опущенныхъ шторахъ. Начинаясь день... Возшло солнце, и лучи его заиграли на шторахъ. Красноовато-желтый огонекъ въ лампѣ еле мерцалъ сквозь закоптѣвшее стекло. Лампу за-
были погасить...

Вдругъ старикъ поднялъ голову и оглянулся.

— А-а! Ушли... всѣ ушли! — пробормоталъ онъ, едва шевеля сухими и запекшимися, блѣдными губами.

Послѣ того онъ какъ будто успокоился, протянулъ ноги и, положивъ руки на колѣни, припалъ головой къ спинкѣ кресла.

— Ночь... темно и тихо... — прошепталъ старикъ чуть слышно, — сталъ дремать и скоро заснулъ навѣки...

Настя стояла передъ нимъ на колѣняхъ, ухватившись за ручку кресла и склонивъ на нее голову. Плечи ея слегка вздрагивали... Дѣвушка плакала. Филиппъ стоялъ у притолки, скрестивъ руки на груди, и грустно смотрѣлъ на умершаго и на дѣвушку, плакавшую у его ногъ. Ему хотѣлось бы утѣшить Настю, но какъ? чѣмъ утѣшить? что ей сказать? онъ не зналъ... Тяжелыя мрачныя думы, неразрѣшенные, вѣковѣчные вопросы — о жизни и смерти — въ тѣ минуты волновали его умъ, а сердце болѣло за его горевавшую подругу...

Филиппъ возвратился домой уже по утру, завалился спать и проспалъ до самаго обѣда. Лида приходила въ ужасъ... и опять ждала бурной сцены между Филиппомъ и отцомъ. Но Александръ Васильевичъ за ночь, видно, поуспокоился и отдумалъ воевать съ сыномъ. Бури не послѣдовало, но вечеромъ отецъ все-таки не удержался и сказалъ юношѣ нѣсколько холодныхъ словъ.

— Ужъ лучше бы ты поскорѣе уходилъ на всѣ четыре стороны! — проворчалъ онъ. — Ты начинаешь вести себя, просто, невозможнымъ образомъ... О себѣ ужъ я не говорю: ты не обязанъ быть почтительнымъ ко мнѣ... Такъ, кажется, выходитъ по твоей теоріи...

— Такой теоріи у меня никогда не бывало! — возразилъ Филиппъ, весь вспыхнувъ.

— Позвольте мнѣ досказать! — рѣзко перебилъ его отецъ. — О себѣ, я говорю, ужъ умалчиваю... Но вѣдь ты могъ бы подумать о томъ, что у тебя сестра — молодая дѣвушка... невѣста...

— Да что же такое, наконецъ, я сдѣлалъ? — спросилъ Филиппъ.

— Вчера ты отправился гулять съ какой-то дѣвицей и, кажется, изволилъ возвратиться домой уже утромъ! Что жъ! Вы находите приличнымъ подобный поступокъ?—строго говорилъ отецъ.

— Я ходилъ не гулять...—нахмурившись, отозвался Филиппъ. Никиты не было дома, а старикъ заболѣлъ... Дѣвушка боялась оставаться одна съ нимъ и позвала меня... Вотъ и все! Чего жъ тутъ дурного? я не знаю... Я сидѣлъ у больного старика... Онъ сегодня утромъ умеръ. Не могъ же я оставить ее одну! Странное дѣло!.. Вотъ какъ братъ возвратился изъ деревни, я и пошелъ домой...

— Скажи, пожалуйста: что у тебя за отношенія къ этимъ... Трескинымъ?—продолжалъ отецъ.

— Просто, хорошіе знакомые... И больше ничего! — отвѣчалъ Филиппъ.

— Отличное у тебя знакомство! — иронически замѣтила Лида, почему-то иногда находившая нужнымъ подливать масла въ огонь во время „непріятныхъ разговоровъ“, захватившихъ между сыномъ и отцомъ.

— Твоего знакомства ничуть не хуже! Могу тебя увѣрить!—возразилъ ей Филиппъ. — Никита—дѣльный, работающій парень, сестра его также—добрая, хорошая дѣвушка... И мнѣ у нихъ всегда хорошо...

— Ну, и прекрасно—и оставайся съ ними! — съ презрѣніемъ сказала Лида.

— А ты сиди со своими кавалерами, да...—вспыливъ, крикнулъ юноша.

— Филиппъ!—грознымъ, предостерегающимъ тономъ проговорилъ отецъ.

Филиппъ посмотрѣлъ на отца, на сестру и вздохнулъ.

— Скоро я уйду отъ васъ!—тихо промолвилъ онъ, уходя въ свою комнату.

Будущее, впрочемъ, показало Филиппу Шатрову, что человѣкъ никогда не можетъ съ увѣренностью сказать: когда и куда онъ пойдетъ, и дойдетъ ли туда, куда пошелъ...

Лида обижаетъ его, оскорбляетъ его знакомыхъ, а онъ ни себя, ни ихъ не можетъ защищать. Вотъ такъ всегда было, сколько онъ помнитъ, съ самаго дѣтства... Однажды тра бросила ему въ лицо арбузную корку, а Филиппъ

за то ударилъ ее по рукѣ. Расплакавшейся Лидѣ купили въ утѣшеніе ея любимаго пирожнаго „съ кремомъ“, а Филиппа отецъ чуть не высѣкъ, и только заступничество бабушки избавило мальчугана отъ униженія и побоевъ. Филиппъ живо помнитъ этотъ случай, да и многія другія, не менѣе прискорбныя, обстоятельства...

Лидѣ ласки, улыбки, нѣжное слово и поцѣлуи, все ей—любимицѣ, а на долю Филиппа оставались только брюзжанье, воркотня, строгіе взгляды, да окрики... Послѣ смерти бабушки мальчикъ почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ въ родномъ домѣ. Все вниманіе, вся любовь отца, казалось, были безраздѣльно отданы Лидѣ. Будь на мѣстѣ Филиппа мальчикъ съ дурными инстинктами, изъ него могъ бы выйти завистливый, ожесточенный, злой звѣренушъ. Филиппъ же ограничился лишь тѣмъ, что, видя къ себѣ полное невниманіе и даже пренебреженіе со стороны отца, самъ сталъ удаляться отъ него и сближаться съ людьми, бывшими къ нему добрѣе и ласковѣе его родныхъ.

И это естественно... Каждый ростокъ, гдѣ бы онъ ни былъ,—на полѣ, въ темномъ погребѣ, въ трещинѣ посреди какихъ-нибудь развалинъ,—самымъ рѣшительнымъ образомъ пробивается къ свѣту, ищетъ воздуха и солнца... Дѣтское сердце, жаждущее ласки и участія, также рѣшительно ищетъ отвѣта на свой привѣтъ, ищетъ ласки за ласку.

Филиппъ искалъ и находилъ, что ему было нужно, въ кухнѣ, на дворѣ, на улицѣ, у бѣдняковъ-сосѣдей... Тамъ взрослые съ нимъ разговаривали, шутили, угощали его рѣдкой, квасомъ съ лукомъ, кислымъ молокомъ, какой-нибудь дрянной рыбешкой—то-есть, однимъ словомъ, потчивали его тѣмъ, что сами ѣли. Ребятишки играли съ нимъ въ бабки, въ городки, въ свайку, пускали змѣй, возились, шалили, иногда—случалось—ушибали ненарокомъ, но, главное, здѣсь не отворачивались отъ него, не дѣлали кислыхъ гримасъ, никто на него здѣсь не ворчалъ и не читалъ ему скучныхъ и томительныхъ нравоученій, если ему подъ веселый часъ хотѣлось попрыгать и попѣть.

И совершенно понятно и естественно, если съ этихъ дней ранняго дѣтства онъ полюбилъ своихъ маленькихъ уличныхъ пріятелей и людей, охотно дѣлившихъ съ нимъ свою убогую хлѣбъ-соль и гладившихъ его по головѣ своими заскорузлыми, мозолистыми руками. Онъ не могъ иначе чувствовать: чистая дѣтская душа не можетъ быть неблагодарна, ес-

только тлетворное дыханіе порока не успѣло заразить ее... Всѣ эти обстоятельства—отчужденіе отъ родныхъ, уличныя встрѣчи и знакомства на сторонѣ—сдѣлали то, что Филиппъ рано развился и сдѣлался не по лѣтамъ наблюдателенъ, сохранивъ, впрочемъ, всю непосредственность своей натуры, чистоту души и свѣжесть чувствъ. Поневолѣ сдѣлаешься наблюдательнымъ, когда чувствуешь себя брошеннымъ на произволъ судьбы!..

И, подрастая, Филиппъ нашелъ, что бѣдняки-рабочіе, пріютившіе его въ дѣтствѣ, какъ сироту, гораздо лучше людей, собиравшихся у нихъ въ гостиной. Правда, эти люди—неученые, плохо одѣтые, грубые, иногда рѣзкіе, но они проще, естественнѣе, искреннѣе и сильнѣе душой *тѣхъ* другихъ, хорошо одѣтыхъ и прилизанныхъ... Вслѣдствіе общенія съ простымъ рабочимъ народомъ, Филиппу показались пошлы и нелѣпы тѣ мелочныя свѣтскія приличія и церемоніи, передъ которыми такъ благоговѣла Лидя. Въ его симпатіи къ народу, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, сказалось наслѣдственное вліяніе его бабушки-крестьянки, женщины сильной и энергичной. И то можетъ быть, что отецъ не долюблялъ Филиппа именно потому, что инстинктивно угадывалъ это проявлявшееся въ немъ наслѣдственное вліяніе...

Отецъ былъ не золъ, не обращался съ Филиппомъ жестоко, но только ворчалъ на него: то въ немъ нехорошо, и это нехорошо, и то онъ дѣлаетъ не такъ, и это — не такъ, и пройти-то онъ не можетъ, какъ слѣдуетъ, и сплѣтѣ-то не подлюска, и учиться-то плохо, и глупъ-то онъ и смѣшонъ и т. д. и т. д. Чаше же всего отецъ, просто, не обращалъ на него никакого вниманія. Ворчанье отца обезкураживало его, но все-таки было пріятнѣе пренебрежительнаго отношенія къ нему. Невниманіе со стороны отца было для него всего обиднѣе и болѣзненно отзывалось въ его дѣтской душѣ.

Филиппъ не былъ забитъ и загнанъ, но, просто, „отшелъ“ отъ отца и, какъ улитка, спрятался въ свою раковинку... Какъ для цвѣтка нуженъ теплый солнечный лучъ, такъ и для ребенка нужны ласка и теплое, участливое слово. Ни этой ласки, ни этого слова Филиппъ у отца не находилъ и спрашивалъ себя: „За что онъ меня не любитъ? Почему онъ на меня смотритъ такъ, какъ будто я для него непріятенъ и мѣшаю ему? Что я ему сдѣлалъ?“—И ни откуда не было ему отвѣта. „Вонъ, съ Лидой онъ — не такъ!..“ Ему казалось, что Лидя „поддѣлывается“ къ отцу. А онъ не умѣлъ

„поддѣлываться“, и оттого-то, вѣроятно, онъ часто слышалъ, какъ называли его „Дичкомъ“, „Волченкомъ“.

Филиппъ сталъ юношей и попрежнему спрашивалъ себя: „За что отецъ не любитъ меня? Что я ему сдѣлалъ?“ и попрежнему не находилъ отвѣта. Отецъ и теперь продолжаетъ смотрѣть на него такъ, какъ будто Филиппъ мѣшаетъ, досаждастъ ему своимъ присутствіемъ. Теперь Филиппъ уже не думалъ, что Лидѣ „поддѣлывается“ къ отцу, но и теперь ему многое не нравилось въ отношеніяхъ Лиды къ старику... Теперь отецъ не кричалъ на него и не топалъ ногами, не заставлялъ его молчать и уходить въ свою комнату, но зато столкновенія во мнѣніяхъ и взглядахъ между ними за последнее время сдѣлались чаще прежняго и болѣе рѣзки. Со дня на день можно было ожидать какой-нибудь семейной катастрофы. Лидѣ, дѣйствительно, и ожидала ея...

Ожиданія часто сбываются совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они мерещатся человѣческому воображенію, — и гораздо легче разбиваются вдребезги, чѣмъ самое хрупкое стекло...

V.

Странная перемѣна произошла въ старикѣ Шатровѣ; ее замѣтили не только Лидѣ и Филиппъ, но и Дуняша, и Марѣя и нѣкоторые изъ знакомыхъ, чаще прочихъ посѣщавшіе домъ „наслѣдниковъ Шатровыхъ“. Но никто не подмѣтилъ, когда именно произошла въ немъ перемѣна, и тѣмъ болѣе никто не могъ догадаться о причинахъ ея. По наружности жизнь въ шатровскомъ домѣ шла попрежнему, какъ и въ теченіе уже многихъ лѣтъ.

Старикъ сдѣлался разсѣянъ, задумчивъ и подолгу, молча, сидѣлъ надъ стаканомъ чая, пыхтя и потягивая погасшую трубку. Чаще и дольше обыкновеннаго онъ оставался въ своемъ кабинетѣ, и Лидѣ не однажды заставляла его за письменнымъ столомъ надъ какими-то бумагами. Уходя изъ кабинета, онъ спрятывалъ бумаги въ ящикъ стола и ящикъ запиралъ. Поздно вечеромъ, когда всѣ уже, бывало, расходились по своимъ комнатамъ, онъ подолгу бродилъ одинъ по столовой и гостиной. Онъ часто, повидимому, безъ всякой причины, хмурился, и оттого морщины на его лбу обозначились рѣзче, и не весело смотрѣли его свѣтло-сѣрые глаза.

По отношенію къ Лидѣ онъ, конечно, какъ былъ, такъ и остался нѣжно любящимъ отцомъ. Съ Филиппомъ же...

разговаривалъ меньше обыкновеннаго, хотя и прежде-то разговоры между ними были не особенно часты; столкновений уже вовсе не происходило; ни замѣчаній, ни выговоровъ, ни нравоученій—ничего... Старикъ даже, казалось, какъ будто избѣгалъ встрѣчаться съ сыномъ. Казалось, какая-то мучительная мысль преслѣдовала его, смущала и тревожила.

— Здоровъ ли ты, папа? спросила его однажды Лида.— Что ты нынче какой кислый... неразговорчивый! (Она хотѣла сказать „грустный“, но не сказала, видя, что отецъ старается не выдавать своего безпокойства).

— Здоровъ, милая,—ничего... Чтò тебѣ показалось!—съ напускной безпечностью отвѣтилъ старикъ.—Такъ что-то нѣсколько дней голова побаливала... а теперь все прошло!..

Но Лидѣ думалось, что тутъ дѣло вовсе не въ головной боли, и хотя отецъ въ утѣшеніе ей сказалъ, что „теперь все прошло“, но онъ попрежнему продолжалъ хмуриться.

Перемѣна въ старикѣ, между тѣмъ, произошла около половины іюня—послѣ того, какъ онъ спросилъ сына объ его намѣреніяхъ относительно будущаго.

— Думаю отправиться въ Петербургъ... Хочу поступить въ Лѣсной Институтъ!—отвѣтилъ ему Филиппъ.

— Такъ!.. А не хочешь остаться служить здѣсь?—продолжалъ отецъ.—Если желаешь, я могу попросить за тебя губернатора...

— Нѣтъ! Канцелярія меня не манитъ...—отозвался сынъ.

— Какъ знаешь! Твое дѣло... Я не стѣсняю!—со вздохомъ промолвилъ старикъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился... Въ разговорѣ, повидимому, не было ничего такого, чтò могло бы огорчить или встревожить старика. Сынъ не хотѣлъ оставаться въ родномъ городѣ, хотѣлъ еще учиться... Тутъ не было ничего дурного,—особенно если взять въ расчетъ то обстоятельство, что старикъ не однажды, то ли въ шутку, то ли въ серьезъ, высказывалъ опасеніе, чтобы „Филиппъ не поступилъ въ маляры или въ трубочисты“. Старикъ, повидимому, можно было только радоваться, что выборъ сына остановился на такомъ почтенномъ учебномъ заведеніи, какъ Лѣсной Институтъ... Человѣкъ, не знающій всей сѹти дѣла, рѣшительно, не могъ бы подумать, что этотъ краткій и, какъ бы, совершенно спокойный разговоръ потрясъ старика Шатрова до глубины души. Сердце его такъ сильно забило тревогу, что старикъ даже

„поблѣднѣлъ“...

Вотъ послѣ этого-то краткаго и по виду незначительнаго разговора старикъ какъ-то сразу опустился, одряхлѣлъ, словно его что-то пришибло... Онъ часто, совершенно невольно, тяжело вздыхалъ и, воображая, что окружающіе не замѣчаютъ его разстройства, дѣлалъ видъ, что онъ, просто, какъ запыхавшійся человѣкъ, переводить дыханіе... Въ эти минуты было жаль смотрѣть на него...

А вздыхалъ онъ такъ тяжело оттого, что сердце его билось до боли усиленно и тревожно, оттого, что мучительныя заботы одолѣвали его. Съ грустью взглядывалъ онъ на свою любимицу-Лиду, а на сына, когда тотъ не глядѣлъ на него, иногда смотрѣлъ съ затаеннымъ страхомъ и смущеніемъ. Со стороны могло показаться, что старикъ то какъ будто боится его, то хочетъ что-то сказать ему, и не рѣшается...

Филиппъ все это время чувствовалъ себя очень скверно: иногда при видѣ отца, словно, какая-то тяжесть ложилась ему на душу. Ему было бы гораздо, гораздо легче, если бы старикъ продолжалъ попрежнему ворчать на него и читать нотации. Филиппу думалось: не онъ ли разстроилъ отца? Не былъ ли онъ слишкомъ рѣзокъ? Не огорчилъ ли онъ старака?.. И ему порой страстно хотѣлось сблизиться, примириться съ отцомъ, заставить его понять себя...

Ему порой хотѣлось сказать отцу: „Зачѣмъ ты постоянно отталкивалъ меня—и теперь отталкиваешь и мучишь себя и меня? Прости, если я чѣмъ нибудь огорчилъ тебя!.. Открой мнѣ свою душу, дай мнѣ утѣшить тебя, разогнать твои печальныя думы! Дай мнѣ приласкаться къ тебѣ и поговорить съ тобой откровенно, по душѣ, обо всемъ!..“ Такъ, бывало, говорилъ про себя Филиппъ, смотря на отца, по-нуро сидѣвшаго въ своемъ креслѣ. Но пойти къ отцу и сказать ему вотъ эти самыя слова, что теперь сами просились съ его языка, Филиппъ не могъ. Ему казалось, что такое обращеніе къ отцу вышло бы театрально, походило бы на мелодраму, а ничто Филиппу такъ не претило, какъ все неестественное, заученное, все, похожее на роль, на разыгрываніе комедіи.

Если бы онъ съ такимъ воззваніемъ обратился къ отцу, то старикъ, ему думается, сухо, съ усмѣшкой сказалъ бы ему: „Благодарю, Филиппъ! Меня утѣшать не въ чемъ... Но я тебя не отталкиваю, и ужъ, право, совсѣмъ не знаю: чѣмъ же я тебя мучу! Напротивъ, я, кажется, теперь совершенно оставилъ тебя въ покоѣ... Вотъ ужъ я нико

не думалъ, что ты — такой экзальтированный!..“ Старикъ звалъ его „блуднымъ сыномъ“. Положимъ, онъ и былъ такимъ въ его глазахъ... Но вѣдь въ евангельской притчѣ отецъ не посмѣялся надъ своимъ „блуднымъ сыномъ“, но съ радостью принялъ его въ свои объятія... Филиппу думалось, что его отецъ не поступилъ бы такъ, какъ отецъ въ евангельской притчѣ...

— Здоровъ ли отецъ?—однажды спросилъ онъ сестру.— Что такое съ нимъ? Ты не знаешь?

— Не знаю!—довольно сухо отвѣтила ему Лида.—Вѣроятно, ты своими выходками разстроилъ его...

— Ты думаешь?—тихо переспросилъ Филиппъ.

— Да, думаю, что такъ... Что же можетъ быть другое!.. Въ послѣднее время ты, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ такъ говорилъ, что, просто, было невыносимо слушать...

— Да какъ же я съ нимъ говорилъ? Что такое я сказалъ?—съ горечью и грустью промолвилъ Филиппъ.

— Грубо говорилъ ты съ нимъ... конечно!—сказала Лида, съ злорадствомъ посмотрѣвъ въ глаза смутившемуся Филиппу.

„Вотъ, значитъ, и Лида думаетъ также!—говорилъ онъ себѣ.—Но что жъ мнѣ теперь дѣлать? Уѣзжать скорѣе... Авось, онъ успокоится безъ меня!“

Въ іюлѣ онъ сталъ заговаривать съ отцомъ о томъ, что въ концѣ мѣсяца нужно посылать въ Петербургъ прошеніе и документы, а въ началѣ августа надо уже ѣхать...

— Ну, что жъ! Поѣзжай!..—говорилъ старикъ, стараясь не смотрѣть на Филиппа.

Печально тянулись іюльскіе дни въ домѣ „наслѣдниковъ Шатровыхъ“. Только въ знакомомъ розовомъ домикѣ Филиппъ, какъ говорится, отводилъ душу.

— Ну, что, Филиппъ Александровичъ,—отецъ все еще сердится на васъ?—съ участіемъ спрашивала его Настя.

— Я, право, и не знаю: что съ нимъ такое!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Такъ еще никогда не бывало... Слова не скажетъ, холоденъ со мной, какъ ледъ... Мнѣ иногда кажется, что онъ даже избѣгаетъ меня... такъ я ему опротивѣлъ!

— Не можетъ быть, Филиппъ Александровичъ! Съ чего это вы взяли?—возражала Настя.—Вѣдь ничего же особеннаго между вами не произошло!

— Да! Но онъ уже давно былъ недоволенъ мной... А

тутъ вышли непріятные разговоры... Положимъ, такіе разговоры у насъ случались и прежде... Не знаю: чтѣ и думать!— съ недоумѣніемъ говорилъ Филиппъ.

Тайна скоро разъяснилась, и разъясненіе ея повлекло за собой такія пертурбаціи въ семьѣ Шатровыхъ, такія неожиданныя перемѣны въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ ни сами дѣйствующія лица, ни ихъ знакомые, ни читатели этой повѣсти, рѣшительно, не могли предполагать...

Однажды послѣ завтрака Филиппъ читалъ въ столовой у окна. Лида уходила изъ дому, уже была въ шляпкѣ и, надѣвая перчатки, вертѣлась тутъ же въ столовой передъ простѣннымъ зеркаломъ. Въ ту минуту старикъ появился въ дверяхъ.

— Ты, Лидочка, уходишь?—спросилъ онъ.

— Да, папа! Ненадолго... Мнѣ нужно въ магазинъ къ Клушину!—отвѣтила ему дѣвушка.

— А-а! Но я все-таки немного задержу тебя... Пойдемъ ко мнѣ!.. И ты иди!—обратился онъ къ Филиппу, направляясь въ свой кабинетъ.

Филиппъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца и пошелъ за нимъ: тонъ обращенія къ нему показался Филиппу какимъ-то необычнымъ, рѣшительнымъ и серьезнымъ — даже торжественнымъ.

Кабинетъ былъ небольшая комната въ одно окно, съ самой простой, незатѣйливой обстановкой. Желѣзная кровать, письменный столъ безъ всякихъ бездѣлушекъ, кресло передъ нимъ, полки и этажерка съ книгами, шкапикъ съ домашними лѣкарствами и со всякой всячиной, три стула. Въ переднемъ углу икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, безъ ризы, хорошаго стараго письма, а за иконою—засохшая верба съ бумажной алой розой; на одной стѣнѣ—карта Россіи, на другой—потемнѣвшій отъ времени, такъ называемый „Вѣчный Календарь“, показывавшій на тотъ день „19 іюля“... На письменномъ столѣ, по сторонамъ чернильницы, стояли въ малиновыхъ плюшевыхъ рамкахъ два фотографическіе портрета: одинъ — покойной жены старика Шатрова, другой — Лиды и Филиппа въ дѣтствѣ.

Старикъ опустился въ кресло, Лида взяла стулъ и сѣла съ нимъ рядомъ; Филиппъ стоялъ, облокотившись на этажерку.

Выдался сѣрый день, безвѣтряный, удушливый; окнѣ,

садъ было открыто, но ни малѣйшей плохлады не чувствовалось въ тихомъ, неподвижномъ воздухѣ.

Старикъ потянулъ трубку, расправилъ чубукомъ усы и откашлялся, какъ, обыкновенно, дѣлаютъ, собираясь много говорить или приготовляясь къ тягостному, затруднительному объясненію..

— Ну, вы уже знаете, что послѣ бабушки, Ирины Михайловны, вамъ остался вотъ этотъ домъ и деньги... — началъ старикъ, слегка привздохнувъ. — Все это вамъ завѣщано поровну, то-есть каждый изъ васъ, значитъ, имѣетъ право на половину дома и на половину всѣхъ денегъ... Тебѣ, Филиппъ, десятаго іюля исполнился 21 годъ. Теперь вы оба — совершеннолѣтніе, и можете получить свое наслѣдство. Я былъ вашимъ опекуномъ... Вотъ мнѣ теперь и нужно говорить съ вами... Вы должны получить домъ и 14 тысячъ деньгами, — по 7 тысячъ на каждого... Такъ! Все это вы ужъ, конечно, знаете!

— Да, папа! — тихо промолвила Лида.

— Ты мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ! — сказалъ Филиппъ.

— Ну, такъ вотъ теперь говорю... — отозвался старикъ и, потянувъ трубку, на мгновенье замолчалъ.

Лида слушала, затаивъ дыханіе: она уже предчувствовала, что предстоитъ какое-то весьма важное, дѣловое объясненіе.

— Вы, конечно, захотите получить отъ меня отчетъ... провѣрить меня... — твердымъ голосомъ заговорилъ старикъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола. — И вы сейчасъ получите отчетъ... сейчасъ... вотъ!.. — скороговоркой продолжалъ онъ, вынимая изъ ящика какія-то бумаги, исписанныя его стариннымъ, прямымъ почеркомъ.

— Никакого мнѣ отчету отъ тебя не нужно! — нахмурившись, проговорилъ Филиппъ. — И если ты, отецъ, только для этого позвалъ меня сюда, такъ я уйду!

— Останься! — настойчиво сказалъ ему старикъ.

Лида молчала и, слегка наклонивъ голову, задумчиво барабанила по столу кончиками пальцевъ, затаенныхъ въ тонкую, свѣтло-сиреневую лайковую перчатку. Бѣлая вуаль ея была откинута на шляпку, украшенную какими-то голубыми цвѣточками и колосьями. Дѣвушка въ тѣ минуты была очень мила и интересна въ своей задумчивой, выжидательной позѣ.

Голубые глаза, полуприкрытые густыми и длинными рѣс-

ницами, смотрѣли мечтательно; на ея пухлыхъ губахъ скользила улыбка и, словно, розовымъ налетомъ перекрылись ея бѣлыя, нѣжныя щеки. Она, очевидно улыбалась при мысли, что вотъ сейчасъ, сію минуту, она сдѣлается счастливой обладательницей семи тысячъ и половины этого большого, сѣраго дома, „стоящаго тысячи три...“ „А на охотника — дадутъ и больше!..“

— Съ чего ты взялъ, что я стану провѣрять тебя? — грубо и рѣзко говорилъ Филиппъ. — Нѣтъ, я уйду!

— Тебѣ говорятъ: останься! — возвысивъ голосъ, повторилъ старикъ.

Филиппъ уже взялся за ручку двери, но остановился. Темные глаза его блестѣли отъ негодованія, на смуглыхъ щекахъ вспыхнулъ румянецъ, и губы были крѣпко стиснуты: настойчивость старика, очевидно, раздражала и возмущала его до глубины души. „За что онъ оскорбляетъ меня!“ говорилъ про себя Филиппъ, взглядывая на отца — на его лысую голову, окаймленную серебристыми прядями.

Будь онъ раньше съ отцомъ въ иныхъ отношеніяхъ, будь они друзьями, тогда Филиппъ, шутки ради, съ серьезно-комичнымъ видомъ перелистовалъ бы эти бумаги, покрытыя рядами цифръ, и затѣмъ, хлопнувъ по нимъ рукой, провозгласилъ бы торжественно: „Съ подлиннымъ вѣрно!“ А теперь — теперь было совсѣмъ другое дѣло. Теперь шутка была неумѣстна...

Филиппу было стыдно и обидно и за себя, и за отца. Ему казалось, что отецъ унижается передъ нимъ и передъ Лидой и въ то же время какъ будто подозрѣваетъ ихъ, пли, по крайней мѣрѣ, его, Филиппа, въ томъ, что Филиппъ не довѣряетъ ему и способенъ контролировать, провѣрять и учитывать его въ рубляхъ и копѣйкахъ, какъ какого-нибудь приказчика. Ему хотѣлось бы просто разцѣловать старика и сказать: „Спасибо тебѣ, отецъ, что ты столько лѣтъ берегъ и хранилъ наше имущество, столько хлопоталъ, безпокоился...“ Но Филиппъ теперь не рѣшился ни поцѣловать отца, ни высказать ему свою благодарность — опять-таки потому, что подобное обращеніе къ отцу казалось ему театральнымъ. Филиппъ все-таки рѣшилъ поблагодарить его, хотя и безъ поцѣлуевъ — „безъ телячьихъ нѣжностей“... „Пускай ужъ эти нѣжности достаются отъ Лиды на долю отца!“ не безъ горечи подумалъ онъ.

— Ты, Филиппъ, конечно, теперь же захочешь получить...

свою долю и... потребуешь отъ меня всѣ деньги!—сказалъ отецъ, холодно посмотрѣвъ на него.

— Зачѣмъ же „всѣ“? — возразилъ сынъ. — Пускай онѣ остаются у тебя... Выдай мнѣ только рублей 300—400 на первый годъ...

— Я, конечно, деньги держу не дома, а въ банкѣ... — сказалъ старикъ. — Вчера я ихъ вынулъ... именно для того, чтобы окончательно свести счеты и показать вамъ и... и сказать все...

Онъ опять выдвинулъ ящикъ письменнаго стола и изъ глубины его вынулъ пачку банковыхъ билетовъ и связку радужныхъ ассигнацій.

— Вотъ тутъ все! — сказалъ онъ, положивъ деньги на столъ и прихлонувъ по нимъ рукой. Теперь вы можете ихъ брать и распоряжаться сами, какъ знаете... Но я долженъ еще сказать... Лидочка, дай-ка огня!

Дѣвушка торопливо зажгла спичку и поднесла ее къ погасшей трубкѣ.

— Мерсі, голубочка!

Старикъ раскурилъ свою трубку и опять откашлялся.

— Я долженъ... началъ онъ, — но и Филиппъ въ тоже мгновеніе заговорилъ, и старикъ невольно запнулся.

— Благодарю тебя, отецъ, что ты хранилъ...

— Позволь, пожалуйста... не торопись! Еще успѣешь поблагодарить... — перебилъ его отецъ, — и Филиппу почудилось, что въ тонѣ его голоса послышалась горькая насмѣшка.

И Лида уловила что-то странное въ интонаціи его голоса: старикъ, вѣроятно, сердится на Филиппа за то, что тотъ перебиваетъ его. Лида внимательно слушаетъ отца, а „этотъ противный Филиппъ вѣчно всѣмъ мѣшаетъ... Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, онъ не успѣлъ бы поблагодарить папашу, когда кончится вся эта процедура!..“

— Судьба преслѣдовала меня... — началъ старикъ, кладя одну руку на руку дочери. — Иные, можетъ быть, скажутъ, что я увлекался... Не знаю!.. Вы, конечно, видѣли въ сараѣ модель лодки... Это — мое изобрѣтеніе. Лодка должна была плавать подъ водой вверхъ и внизъ по теченію. Много хлопотъ мнѣ было съ этой несчастной лодкой... Съ здѣшними мастерами не легко было сдѣлать модель. Ызидилъ я въ Петербургъ, представлялъ эту модель... но ничего не вышло!.. Потомъ вы тоже, разумѣется, видали въ сараѣ модель вагона... Предполагалось устроить „безопасный“ вагонъ... Ты,

Филиппъ, кажется, имъ даже игралъ одно время? Ну, да!.. И съ вагономъ та же неудача! Неудачи преслѣдовали меня... Конечно, я не техникъ... могли быть ошибки въ моихъ расчетахъ, но... если бы время и средства позволяли, я исправилъ бы ошибки, я, конечно, добился бы своего... Мысль-то у меня вѣрная... но я—несчастливъ!..

Старикъ при этомъ пожалъ руку дочери, какъ бы ища у нея себѣ одобренія и участія, но рука Лиды слабо отвѣчала на его пожатіе. На Филиппа онъ не глядѣлъ.

— Вы знаете: въ карты играть я не люблю, не пью, даже въ книгахъ себѣ отказываю...—продолжалъ старикъ.—Я живу съ вами, вы сами видите, какъ я живу... Я не позволяю и не позволяю себѣ никакого удовольствія,—вы знаете... На свои прихоти я не истратилъ ни копѣйки изъ вашихъ денегъ!.. Вотъ этому мочальному матрасу уже 15 лѣтъ... спать на немъ жестко, больно старымъ костямъ... Вотъ войлокъ у кровати, вмѣсто ковра,—я ужъ и не помню, когда купленъ... Кажется, еще при жизни вашей бабушки...

— Отецъ! Я, право, не знаю... Зачѣмъ ты все это говоришь!—почти съ болью вскричалъ Филиппъ.—Кто жъ у тебя требуетъ отчета? Ужъ только не я!..

Юноша слегка даже поблѣднѣлъ отъ волненія, и отъ смуглой блѣдности щекъ его большіе, темные глаза теперь казались еще темнѣе и глубже.

— Лиди! Что жъ ты молчишь? Говори же!—волнуясь, обратился къ сестрѣ Филиппъ.—Попроси, чтобы онъ оставилъ все это...

А Лиди молчала. Какое-то смутное, тягостное недоумѣніе охватывало ее все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ отецъ говорилъ и все крѣпче и крѣпче сжималъ ее руку, взглядывая на нее порой, какъ ей казалось, съ умоляющимъ и тревожнымъ видомъ. Чего отецъ отъ нея ждетъ? Чего онъ хочетъ отъ нея?.. Охватывавшая его душевная тревога, словно по внушенію, сообщалась и Лидѣ.

— Сейчасъ... сейчасъ, Филиппъ! Я кончу...—сказалъ ему старикъ.—А потомъ ты будешь говорить... а я стану слушать... времени хватитъ!.. Да! Такъ вотъ что я хотѣлъ сказать...

Старикъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. Нехорошій, болѣзненный румянецъ пятнами выступилъ у него на щекахъ. Онъ усиленно засосалъ трубку и какъ-то совсѣмъ машинально

положилъ руку на пачку билетовъ и ассигнацій, но въ то же мгновеніе отдернулъ ее.

— На вась собственно истрачено, кромѣ процентовъ, за всѣ эти годы около двухъ тысячъ... Вотъ тутъ—въ бумагахъ—и оправдательные документы... тутъ все указано: когда, на что и т. д.

Старикъ опять пріостановился и, тяжело переведа дыханіе, посмотрѣлъ въ окно... Сѣрыя, мгlistыя облака заволакивали небо. Березы въ саду стояли, не шелохнувшись. Тяжелый, свинцовый отгѣнокъ лежалъ на всемъ...

— Изобрѣтенія стоили дорого... очень дороги эти модели!—глухимъ, упавшимъ голосомъ промолвилъ старикъ.—Ахъ, до чего меня измучили эти изобрѣтенія, если бы вы знали... Около 6.000 съ половиной, я издержалъ на нихъ изъ вашихъ денегъ...

Въ ту минуту старикъ почувствовалъ, какъ рука Лиды выскользнула изъ-подъ его руки.

— Остается 5.460 рублей. Вотъ все тутъ!..

— 2.730 рублей, вмѣсто 7.000! — вдругъ какимъ-то страннымъ голосомъ проговорилъ кто-то ужасно отчетливо.

Словно, чье-то ледяное дыханіе пронеслось по комнатѣ. Старикъ вздрогнулъ и оглянулся. Говорила Лида... но голосъ ея такъ измѣнился, что старикъ, было, не призналъ его.

— Ты растратилъ около 6.000?—спросила она.

— Да, да, Лидочка!—со вздохомъ отвѣтилъ ей отецъ, дрожащей рукой похлопывая по билетамъ.—Да! Вмѣсто 12.000, тутъ только 5.460 рублей...—Ну, что жъ ты молчишь?—обратился онъ къ Филиппу.—Что жъ теперь не говоришь ничего? Теперь слово за тобой... Говори! Суди меня!.. Что жъ стоишь!

Филиппъ съ грустью смотрѣлъ на старика, и только боязнь показаться „смѣшнымъ“, „театральнымъ“ помѣшала ему въ ту минуту броситься къ отцу, обнять его и крикнуть: „Не говори такъ со мной! Оставимъ все это... Я тебѣ—не судья! Не судить, цѣловать тебя хочу... родной ты мой!“ Старикъ, словно почувствовавъ на себѣ его пристальный взглядъ, поднялъ голову и также посмотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Въ глазахъ юноши какъ будто—слезы, въ глазахъ отца—недоумѣніе...

Старикъ, видимо, страшно волновался, и волновался еще болѣе оттого, что старался скрыть одолѣвавшее его смущеніе, и въ то же время чувствовалъ, что скрыть его не удастся...

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ тягостное, гробовое молчаніе царило въ комнатѣ; было слышно, какъ муха, жужжа, стучалась въ потолокъ, да въ саду въ кустахъ орѣшника птичка чирикала.

Лида порывисто поднялась, встала сбоку у письменнаго стола и, опершись на него обѣими руками, съ сосредоточеннымъ бѣшенствомъ и злостью посмотрѣла на отца. Она смотрѣла на него такъ, какъ будто желала его уничтожить, сжечь, испепелить огнемъ своихъ глазъ. Куда дѣвалась ея мечтательность, обаятельная прелесть ея красиваго, молодого лица, дѣлавшая ее за минуту передъ тѣмъ такой интересной и привлекательной? Теперь это была разъяренная фурія, злое, свирѣпое животное, готовое растерзать всякаго за отнятый у него кусокъ живого мяса...

Нѣтъ! Она не такъ-то легко уступить! Она не дастъ безнаказанно обворовать себя! Филиппъ какъ знаетъ, а она не откажется отъ своей части наслѣдства! Что ей за дѣло до еіо пальныхъ затѣй? Она безъ горечи не можетъ вспомнить теперь объ его лодкахъ и вагонахъ, валяющихся въ сараѣ вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ... И на эти дурачкія изобрѣтенія ушло шесть тысячъ!.. Нѣтъ! Она не дастъ обобрать себя... Нѣтъ! Она не отступится, будетъ требовать...

На Лиду было непріятно смотрѣть, — до того исказилось ея хорошенькое лицо. Кончикъ носа ея поблѣднѣлъ, ноздри раздувались, грудь тяжело дышала... Право, смотря со стороны, можно было подумать, что она, какъ кошка, готова прыгнуть на свою жертву и своими красивыми, изящными ручками вцѣпиться старику въ бороду.

— Такъ ты... обокралъ насъ! — какимъ-то свистящимъ шепотомъ проговорила она, наклоняясь надъ столомъ и впиваясь глазами въ старика.

— Лида! Дитя мое... — дрогнувшимъ голосомъ, съ трудомъ заговорилъ старикъ, задыхаясь отъ волненія и, повидному, стараясь приподняться съ кресла. — Ты говоришь...

Старикъ провелъ рукой по глазамъ и по лицу, какъ бы пробуждаясь отъ свѣтлыхъ сновидѣній и возвращаясь къ мучительной дѣйствительности...

— Лида... Лидочка!.. — безсвязно лепеталъ старикъ, — и его скорбный взглядъ остановился на дочери и — замеръ.

Гдѣ жъ ея нѣжность и ласковость къ нему? Гдѣ жъ ея всегдашняя доброта и снисходительность къ старику — отцу? Неужели она не найдетъ для него слова участія въ эту тя...

гостную для него минуту? Неужели дочь будетъ такъ жестока къ нему?.. Но... Боже, Боже! какъ она смотритъ на него!.. какъ смотритъ!..

Хотя она въ ту минуту и смотрѣла па отца, но ничего не видала и ничего знать не хотѣла, кромѣ своихъ обманутыхъ ожиданій и разбитыхъ надеждъ... Вотъ—они... какъ воочію лежатъ теперь передъ нею въ видѣ мусора, хлама—въ видѣ какихъ-то дрянныхъ, изломанныхъ моделей... Въмѣсто девяти тысячъ (считая съ домомъ), теперь у нея, благодаря этимъ проклятымъ моделямъ, остались какія-то несчастные двѣ тысячи рублей!..

„Ты обокралъ насъ!“ — сказала Лида. Неужели потеря денегъ до того поразила ее, что даже помutila ея рассудокъ?.. Но какъ она смотритъ на него! Какое у нея странное лицо! Такого лица старикъ никогда еще у нея не видалъ... Ужасъ! Ужасъ!.. А какъ онъ вѣрилъ ей, какъ любилъ, какъ лелѣялъ ее съ колыбели!.. И неужели все это пошло ни во что—изъ-за денегъ?.. Онъ боялся Филиппа, — „блуднаго сына“ онъ опасался, а въ ней старикъ надѣялся найти опору и утѣшеніе въ эту тяжелую минуту, а между тѣмъ—она, Лида, его любимица... его радость... его счастье!..

Говорятъ, что передъ казнью (или вообще передъ смертью) въ воображеніи человѣка въ одно мгновеніе проносятся—въ образахъ и краскахъ—длинный рядъ годовъ, вся жизнь, всѣ выдающіеся ея моменты съ самаго ранняго дѣтства, еще окутаннаго, какъ туманомъ, передразвѣтными тѣнями, полными грезъ и полудѣйствительныхъ, полусказочныхъ видѣній...

То же самое случилось и со старикомъ Шатровымъ въ то время, какъ онъ, ошеломленный словами и взглядами дочери, неподвижно смотрѣлъ на нее...

Вотъ онъ водить по комнатѣ за руку малютку Лиду, а та еще едва переступаетъ ноженками... Вотъ онъ укачиваетъ ее, и дѣвочка тихо засыпаетъ у него на рукахъ. Ночью, на цыпочкахъ пробираясь по корридору, заглядываетъ онъ къ ней въ комнату, чтобы увѣриться: здорова ли его дѣвочка? спитъ ли спокойно? ровно ли дышитъ во снѣ?.. Вотъ Лида—больна, и онъ не знаетъ покою ни днемъ, ни ночью,—самъ дѣлается боленъ, при видѣ больной дочурки... Вотъ онъ провозжааетъ Лиду въ гимназію и даетъ ей денегъ на булку, приходитъ за ней по окончаніи уроковъ, и по дорогѣ домой она безъ устали щебечетъ, рассказывая ему объ урокахъ, объ учебныхъ, о классныхъ дамахъ, о своихъ подругахъ... Вотъ

Лиды—взрослая дѣвушка, и сердце его радуется; онъ не на-
глядится на нее, не налюбуется, и мечтаетъ онъ для своей
любимицы о счастливомъ, свѣтломъ будущемъ...

И сколько отрадныхъ, трогательныхъ картинъ въ одно
мгновеніе проносится передъ нимъ—проносится быстрѣе, чѣмъ
я успѣваю написать эту строчку... Всѣ эти воспоминанія, на
мгновеніе ожившія передъ его умственными очами, словно
ножомъ, рѣзнули его по сердцу,—и старикъ, задыхаясь, ды-
кимъ, жалобнымъ голосомъ вскрикнулъ: „Лиды!.. Ты...“ за-
бормоталъ что-то—и вдругъ тихо откатнулся на спинку крес-
ла, — голова его повисла, чубукъ выскользнулъ изъ рукъ, и
табачный пепелъ рассыпался по полу.

Филиппъ бросился къ нему на помощь...

— Билеты я спрячу, а остальные деньги и бумаги ты
убери къ себѣ!—сказала дѣвушка, забравъ банковые билеты
и холодно поглядѣвъ на Филиппа.

Старикъ съ побагровѣвшимъ лицомъ лежалъ въ креслѣ,
весь вздрагивая, и тяжело хрипѣлъ. Филиппъ принялся то-
ропливо разстегивать на немъ поддѣвку и воротъ рубахи.

— Пошли за докторомъ... скорѣе!—крикнулъ онъ сестрѣ.

Какъ оскорбленная, разгнѣванная королева, Лиды вышла
изъ комнаты, заботливо приподнявъ край своего шикарнаго
платья, чтобы не коснуться имъ рассыпаннаго по полу та-
бачнаго пепла. Даже голубые цвѣточки и золотистые, ржаные
колосья на ея шляпкѣ, казалось, содрогались отъ ужаса и
негодованія при видѣ этой жестокой, безжалостной дочери...

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

ПОВѢСТЬ

П. В. Засодимскаго.

(Окончаніе *).

VI.

Старика Шатрова разбилъ параличъ и сразу превратилъ этого еще довольно бодрого челоѣка въ жалкую развалину.

Четыре дня онъ лежалъ безъ движенія и только протяжно, жалобно мычалъ. На пятый день онъ сталъ лепетать отрывисто, безсвязно, но все-таки можно было его понять, хотя иной разъ и не безъ труда.

Въ первые дни тягостная сцена, предшествовавшая его заболѣванію, повидимому, совсѣмъ улетучилась у него изъ головы. Онъ заговаривалъ о старыхъ знакомыхъ, о дѣлахъ давно мпнувшихъ дней, но вообще говорилъ мало, а все больше лежалъ, молча, закрывъ глаза или разглядывая свои руки.

Черезъ недѣлю онъ, очевидно, сталъ припоминать и кое-что припомнилъ изъ недавняго прошлаго. Онъ сталъ бояться Лилы и не разъ, подозвавъ къ себѣ Филиппа, съ умоляющимъ видомъ говорилъ ему:

— Не пускай *ее*... сюда! Не пустишь? *Она* не придетъ?

Филиппъ зналъ, о комъ говорилъ отецъ—и старался успокоить его. Но старикъ все-таки со страхомъ и тревогой посматривалъ на дверь.

Однажды вечеромъ, когда больной заснулъ, Филиппъ, оставивъ у него Марѳу въ качествѣ сидѣлки, отправился повиѣдаться съ друзьями. Онъ засталъ Настю одну въ мастерской за какимъ-то шитьемъ.

*) См. «Міръ Божій» № 11.

«Міръ Божій», № 12, декабрь.

— Поправляется вашъ больно́й? — спросила его Настя.

— Да! Понемножку... — отвѣтилъ Филиппъ. — Одной рукой владе́ть, начинае́тъ говорить, но еще плохо...

— А сестра ваша... какъ же?.. заходитъ къ нему?

— Заглядываетъ изрѣдка, когда онъ спитъ... Если бы вы слышали, Настя, какъ онъ упрашивалъ меня не пускать ее къ нему въ комнату! Весь дрожитъ, глаза сдѣлались такіе большіе...

— Какой ужасъ! — прошептала Настя, съ грустью посмотрѣвъ на молодого человѣка.

— А я, Настя, пришелъ спросить васъ: что бы вы сдѣлали теперь на моемъ мѣстѣ? Какъ бы вы поступили? — промолвилъ Филиппъ.

Дѣвушка съ удивленіемъ взглянула на него и стала задумчиво разглаживать у себя на колѣняхъ свое шитье.

— Ну, что жъ вы молчите, Настя?.. ничего не скажете? — приступалъ Филиппъ.

— Трудно сказать, Филиппъ Александровичъ! — медленно заговорила она. У васъ — одні мысли, у меня — другія... Право, я и сама не знаю: какъ бы поступила въ такомъ случаѣ...

— Ну, однако, какъ же? Подумайте! Сообразите! Вѣдь вы знаете мое теперешнее положеніе...

— Знаю! — промолвила Настя и, наклонившись, откусила нитку и задумчиво крутила ее между пальцами, смотря на шитье. — Мнѣ кажется, я не оставила бы старика — одного, больного... — тихо говорила дѣвушка. — Конечно, это, можетъ быть, спутало бы мои планы, но что жъ дѣлать... Я все-таки не поѣхала бы никуда, а какъ-нибудь бы здѣсь... Ну, просто, *я не могла бы* оставить его!...

— Представьте, Настя! Вчера вечеромъ эта же самая мысль пришла мнѣ въ голову! — вскричалъ Филиппъ. — Ну, значитъ, конечно... Я остаюсь!

— Впрочемъ, наше женское дѣло — совсѣмъ другое, чѣмъ ваше... — замѣтила Настя. — Можетъ статься, и я, будь женщиной, поступила бы иначе, — не такъ, какъ думаю теперь; можетъ быть, бросила бы все и уѣхала... Но, впрочемъ, не думаю... Нѣтъ!

— Ну, конечно, „нѣтъ“! — подхватилъ Филиппъ, съ азартомъ ероша свои короткіе, темные волосы.

Дѣвушка подняла голову, посмотрѣла на него и тихо вздохнула:

— А все-таки, Филиппъ Александровичъ, мнѣ жалъ

вась!—промолвила она.—А ну какъ вы раскаетесь... станете жалѣть!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я все ужъ обдумалъ... Найду мѣсто сельскаго учителя, перевезу къ себѣ отца и будемъ мы жить отлично... Что вы качаете головой? Развѣ это худо?.. Что вы смотрите на меня такъ печально? Пожалуйста, не смотрите такъ!.. Ну, право же, Настя, я буду очень счастливъ, когда все устроится.. А на счетъ денегъ и дома я хочу поступить такъ...

И Филиппъ сталъ развивать передъ Настей планъ своихъ дѣйствій. Дѣвушка, молча, одобрительно кивала ему головой.

Вскорѣ послѣ того Филиппъ имѣлъ краткій, дѣловой разговоръ съ сестрой. Придя къ ней въ комнату, онъ спросилъ взятые ею билеты, пересчиталъ ихъ и положилъ передъ ней на столъ. Лида была въ недоумѣніи и хмурилась, недовѣрчиво посматривая на брата. „Хочетъ дѣлать!“ мелькало въ ея головѣ, и она твердо рѣшилась не давать себя въ обиду...

— Тутъ пять тысячъ! Получай!—сказалъ Филиппъ, кивнувъ головой на билеты.—Домъ я также уступаю тебѣ... Пойдемъ къ нотаріусу сегодня или завтра, когда хочешь, и все тамъ живо оборудуемъ... Я не знаю... Нотаріусъ скажетъ: что нужно сдѣлать...

Лида разомъ успокоилась и приняла безпечный, равнодушный видъ. Не вставая съ кресла, она потянулась къ банковымъ билетамъ и стала сама еще разъ пересчитывать ихъ. „Безъ дѣлежа! Тѣмъ лучше!“ При первыхъ словахъ Филиппа она, было, хотѣла сдѣлать постную мину, но, прикоснувшись къ билетамъ, какъ къ своей неотъемлемой собственности, она уже не могла удержаться отъ радости, и съ разгорѣвшимся лицомъ и уже совсѣмъ не съ постнымъ видомъ перебирала билеты... Филиппъ стоялъ, молча, и смотрѣлъ на нее.

— Да! Вѣрно!—промолвила Лида, крѣпко зажимая въ рукахъ банковые билеты.—Мнѣ слѣдовало получить семь тысячъ деньгами, да половина дома моя... Домъ, я узнавала, по оцѣнкѣ стоитъ тысячи три или три съ половиной... Ну, положимъ, три тысячи... Тогда моя половина—полторы тысячи... Значить, мнѣ слѣдовало восемь тысячъ съ половиной—такъ, что теперь мнѣ все-таки не хватаетъ пятисотъ рублей... За домъ нынче, пожалуй, и трехъ тысячъ не возьмешь...

— Да! Но я больше ничего не могу сдѣлать... —сказалъ Филиппъ, повернувшись и собираясь уходить.—Четыреста шестьдесятъ рублей я оставилъ себѣ!

— Ну, Богъ съ нимъ!—съ легкимъ вздохомъ промолвила дѣвушка и, подойдя къ комоду, стала прятать деньги въ шкатулку.

— Лиди! И ты еще говоришь... Ну, какъ тебѣ не совѣстно!—съ негодованіемъ замѣтилъ ей юноша, весь вспыхнувъ.

— Нисколько не совѣстно... Что жъ мнѣ совѣститься?—спокойно возражала ему сестра.—Я получаю только свое... чужого не беру! Твоя воля была отказаться отъ своей части... Я ни у кого ничего не вымогала... Эти деньги оставила мнѣ бабушка! Отецъ не имѣлъ права растрачивать нашихъ денегъ... Ты уступаешь мнѣ свою часть... это ужъ твое дѣло!

— Ты права!—сказалъ Филиппъ, продолжая смотрѣть на сестру такъ, какъ будто бы онъ въ первый разъ увидалъ эту дѣвушку въ ея настоящемъ видѣ.

— Да, конечно, права! Это всякій благоразумный человѣкъ скажетъ...—подтвердила Лиди.

Братъ, молча, взялся за ручку и отворилъ дверь.

— А ты Филиппъ, теперь какъ же будешь? Съ чѣмъ же ты останешься? на что поѣдешь въ Петербургъ?—какъ бы съ участіемъ спросила его сестра, словно устыдившись своего равнодушія и эгоизма.

— Какъ-нибудь проживу!—отвѣтилъ Филиппъ, пріостановившись въ дверяхъ.

— Я вѣдь буду не въ состояніи помогать тебѣ... Я могу выйти замужъ, у меня будетъ своя семья... — проговорила Лиди, запирая шкатулку.

Замокъ щелкнулъ, и шкатулка скрылась въ ящикѣ комода.

— Я вѣдь, Лидочка, не собираюсь ходить по міру!—съ усмѣшкой замѣтилъ ей Филиппъ.

— Я предупредила тебя на всякій случай...—сухо промолвила сестра.—Ну, а какъ же отецъ? Для него нужно будетъ нанять человѣка... нуженъ докторъ... Мало ли расходовъ!

— Не бойся! Отецъ не останется на твоей шеѣ!

И дверь хлопнула за Филиппомъ.

— Благородный рыцарь... печальнаго образа!—сказала про себя дѣвушка, замыкая комодъ.—Завтра же утромъ деньги—въ банкъ...

А той порой старикъ Шатровъ, безсильный, немощный, разбитый тѣлесно и еще болѣе разбитый душой, томясь и страдая, изживалъ день за днемъ. Онъ не могъ ничѣмъ заниматься, не могъ даже долго говорить, и времени у него для размышленій было много, даже слишкомъ много... Съ

душевной горечью и болью вспоминалъ онъ о дочери, — и снова и снова переживалъ онъ страшную сцену, такъ поразившую его въ самое сердце...

— Ее вѣдь нѣтъ здѣсь! — успокаиваетъ его Филиппъ, услышавъ крикъ больного, и думаетъ, что старика одолѣваютъ видѣнья.

— Да, да! Ее нѣтъ... — шепчетъ несчастный, еле шевеля своими блѣдными губами.

Такъ, значить, Лида притворялась, обманывала его?.. Старикъ страстно желалъ сохранить чистымъ, неопороченнымъ хоть одинъ маленький уголокъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дочери и старался убѣдить себя, что, будучи дѣвочкой, Лида все-таки искренно, беззавѣтно любила его — безъ всякихъ низменныхъ, корыстныхъ побужденій. Но съ какого же времени она начала обманывать его? съ какого времени ея ласки, ея нѣжные взгляды и объятія стали лживы? съ какого времени она научилась лицефрить и носить маску? Трудно сказать — указать это время...

И предубѣжденному, разочарованному старику стало казаться, что она уже и дѣвочкой, еще малюткой, ласкаясь къ нему, лицефрила и, желая задобрить его, выманить у него игрушку, пирожного или конфетъ, лгала ему и словомъ, и взглядомъ, и цоцѣлуемъ своихъ пухлыхъ, розовыхъ губъ... Эти думы и воспоминанья, тягостныя и неотвязныя, мучили старика пуще физической боли.

Иногда старику припоминались его изобрѣтенія — его несчастная подводная лодка, его безопасный вагонъ. Онъ помнитъ, какъ въ своемъ огородѣ устроилъ миниатюрную насыпь, проложилъ шпалы, рельсы, — и какъ однажды вагонъ его кувырнулся съ насыпи, ударился обо что-то и далъ трещину... Эти модели, поѣздки въ Петербургъ, хлопоты... Все это стоило много денегъ. Напрасны были его хлопоты: и время, и трудъ его и деньги (деньги его дѣтей) брошены въ печь.

Страсть къ изобрѣтеніямъ, какъ и всякая другая болѣе низменная, но столь же гибельная, какъ, напримѣръ, страсть къ вину, къ картамъ, къ наживанію денегъ, — жгла его адскимъ огнемъ, несбыточными надеждами его ослѣпляла, сводила его съ ума, влекла и завлекала все дальше и дальше, пока не довела его до мрака и отчаянія. Гоняясь за призраками, какъ безумный, не дождая и не досыпая ночей, вслухъ разговаривая съ самимъ собой, самъ себя обольщая и не имѣя силъ остановиться, онъ растратилъ такимъ обра-

зомъ половину дѣтскаго состоянія, оставленнаго ему на храненіе покойной тещей. Ужасно было его пробужденіе... Онъ виновать и наказанъ. Да! Виновать, но ей ли, Лидѣ, подносить ему чашу горечи?

Онъ уже давно въ тайнѣ невыносимо страдалъ при мысли о томъ днѣ, когда, наконецъ, ему придется отдавать отчетъ дѣтямъ и вручать наслѣдникамъ вѣренное ему на храненіе имущество. Онъ не могъ безъ содроганія подумать о томъ часѣ, когда ему придется стать лицомъ къ лицу съ Филиппомъ и сказать ему: „Я растратилъ твои деньги!“. Понятно, что старикъ, по своей слабохарактерности, старался по возможности отдалить день роковыхъ объясненій. И онъ рассчитывалъ на то, что Лидѣ, до выхода замужъ, не потребуются вся доля ея наслѣдства, а Филиппъ, можетъ быть, — думалъ онъ — останется служить въ родномъ городѣ и всѣхъ денегъ разомъ ему тоже не понадобится...

Когда же оказалось, что Филиппъ собирается ѣхать въ Петербургъ и, вѣроятно, заговорить о наслѣдствѣ, тогда старикъ рѣшился самъ пойти на встрѣчу событіямъ, тѣмъ болѣе, что тайна сильно мучила его, и онъ уже радъ былъ отдѣлаться отъ нея, какъ отъ тягостной, непосильной ноши... Вотъ почему за послѣднія недѣли онъ и былъ самъ не свой, такой разсѣянный и странный. Онъ колебался, то рѣшаясь, то отступая отъ своего намѣренія открыть дѣтямъ совершенную имъ растрату. И трудно, трудно было ему въ то утро позвать дѣтей въ кабинетъ — для того, чтобы они судили его, какъ преступника...

Много ужасовъ создавала ему разстроенная фантазія, но того, что произошло, фантазія ему не рисовала... Онъ былъ твердо увѣренъ, что Лидѣ сжалится надъ нимъ и станетъ защищать его. Шатровъ когда-то давно читалъ Шекспира, Софокла и много другихъ хорошихъ книгъ, и онъ не позабылъ, словно окруженные свѣтлымъ ореоломъ, чудные, нѣжные образы Антигоны и Корделии... Отъ Филиппа онъ ожидалъ суроваго обвинительнаго приговора. Старикъ привыкъ смотрѣть на сына, какъ на сухую, жесткую натуру, надѣленную самыми вульгарными склонностями. „Отъ *этого* нечего ждать себѣ пощады! Нѣтъ! *Этого* не помплетъ... Тонкость чувствъ не для него! Онъ ничего не пойметъ... Толстокожее животное!“ Такъ не однажды думалъ старикъ послѣ стычекъ съ сыномъ.

Но въ жизни не всегда выходитъ такъ, какъ пишутъ въ

книгахъ. Одинъ французскій писатель справедливо замѣтилъ, что „жизнь часто болѣе походитъ на романъ, чѣмъ романъ на жизнь“... Филиппъ сжалился надъ старикомъ, ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька, а та, Лида, его любимица, его Антигона, отшатнулась отъ него, какъ отъ прокаженнаго... Онъ ужъ радъ п тому, что Лида не ходитъ сюда—въ эту тихую, полусумрачную комнату съ опущенными шторами, съ тяжелой атмосферой, вмѣстѣ съ запахомъ лекарствъ, казалось, проникнутой недугомъ и страданіями...

Въ это время, такое печальное для шатровскаго дома, только Лида переживала счастливыя минуты. Судьба улыбалась ей. Когда она уже думала, что „денежки ея плачутъ“, вдругъ совершенно неожиданно ей была возвращена почти цѣликомъ вся доля ея наслѣдства. Наконецъ, ея давнишній обожатель, акцизный чиновникъ, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды по службѣ, сдѣлалъ ей предложеніе, и Лида, заставивъ его недолго помучиться неизвѣстностью, дала свое согласіе. Условились сыграть свадьбу послѣ Успеньева дня.

Въ виду такого успѣшнаго хода своихъ дѣлъ, Лида стала даже какъ будто добрѣе и однажды, разчувствовавшись, пошла къ отцу—съ тѣмъ, чтобы посидѣть у него, да кстати и объявить о своей помолвкѣ. Но лишь только она показалась на порогѣ, старикъ вздрогнулъ и заметался.

— Ну, что? Какъ?—шопотомъ спросила Лида, обращаясь къ брату.

— Филиппъ! Филиппъ!—слабымъ голосомъ забормотала больной, безпокойно ворочая головой по подушкѣ.—Нѣтъ, нѣтъ! Не нужно! Не пускай ее, Филиппъ!...

Съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣлъ старикъ на красивую, граціозную фигуру молодой дѣвушки, рисовавшуюся на темномъ фонѣ растворенной двери. Филиппъ рѣшительно пошелъ на встрѣчу сестрѣ.

— Лида! Не ходи, пожалуйста! Развѣ ты не видишь: какъ онъ волнуется! Опять, пожалуй, случится съ нимъ... Уйди!—прошепталъ онъ.

Когда дверь затворилась за Лидой, старикъ подозвалъ къ себѣ Филиппа и, схвативъ его за руку, сказалъ:

— Я боюсь ее... боюсь!.. Не оставляй меня съ ней... Она опять... опять будетъ смотрѣть на меня...

Ему живо представилось: съ какимъ страшнымъ выраженіемъ въ глазахъ смотрѣла на него дочь въ тотъ вѣчно-памятный для него день.

Старикъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и широко раскрытые, испуганные глаза его все обращались къ двери.

— Запри, запри дверь!—бормоталъ онъ.

Наконецъ, Филиппу кое-какъ удалось успокоить старика...

Лида, разогорченная—или, вѣрнѣе, раздосадованная—возвратилась въ свою комнату. Сидя въ креслѣ, она усиленно покачивала ногой и кусала губы—дурная привычка, оставшаяся въ ней съ дѣтства, и вѣрный признакъ, что Лида была сильно не въ духѣ. Ей было непріятно и совѣстно, что отецъ прогналъ ее... Она шла къ нему съ самыми хорошими намѣреніями и вдругъ... „Они отшатываются отъ меня, какъ точно я какая-нибудь злодѣйка!“—подумала Лида.

Когда отецъ объявилъ, что онъ растратилъ половину ихъ состоянія, Лида—понятно—растерялась. Въмѣсто семи тысячъ получить меньше трехъ—громадная разница... Извѣстіе о растратѣ денегъ ошеломило ее... Конечно, Лида знала, что она красива (о томъ каждый день по нѣсколько разъ ей докладывало зеркало); она знала, что и безъ большого приданого можетъ выйти замужъ, но, все-таки, для богатой дѣвушки больше шансовъ составить себѣ лучшую партію, нежели для бѣдной невѣсты. Она не устояла подъ неожиданнымъ налетомъ бури—и сказала лишнее... Лида даже сама ясно не помнитъ: какъ вырвались у нея тѣ обидныя слова... Слова ужасныя,— правда! Не даромъ же они уложили отца въ постель. Но вѣдь она же и раскаялась (послѣ того, какъ дѣла ея такъ прекрасно устроились), вѣдь она же и шла къ отцу за тѣмъ, чтобы примириться съ нимъ и просить его забыть все...

„Забыть *все!*“... Ея глупенькая голова не могла представить того, что въ жизни бываютъ такіе поступки, говорятъ такія слова, которыя забыть невозможно и отъ воспоминаній о которыхъ человѣкъ избавляется лишь не раньше, какъ лежа въ гробу. По своей суетности и легкомыслію, Лида не могла понять того: какою горечью и желчью наполнила она бѣднаго старика въ *тотъ* памятный день... Она воображала, что отецъ лишь оскорбился тѣмъ, что Лида сгоряча попрекнула его растратой денегъ; но, скользя лишь по поверхности, она не смотрѣла въ глубь и поэтому не видала всей сути совершеннаго ею чудовищнаго нравственнаго преступленія.

Ну, да! Подъ вліяніемъ ошеломляющаго открытія, въ пылу досады и отчаянія, со злости и горя она, дѣйстви-

тельно, произнесла слова, рѣзкія и грубыя,—и оскорбила старика. Такъ думала Лида... Но она не догадывалась или, лучше сказать, старалась не думать, что старикъ былъ не только оскорбленъ ею, но убить нравственно, убить наповаль тѣмъ сознаніемъ, что онъ въ теченіе 20-ти лѣтъ обманывался въ своей любви, въ своемъ „сокровищѣ“, въ человѣкѣ, самомъ дорогомъ и близкомъ ему, которому онъ отдалъ все свои ласки, всю свою нѣжную привязанность, всю любовь и жаръ своего родительскаго сердца...

Что жъ такое! Положимъ, онъ любилъ ее, всегда былъ добръ къ ней, но и она зато отвѣчала ему ласками. Что жъ дѣлать, если она не могла забыть себя и покорно принести себя въ жертву его взбалмошнымъ, такъ дорого стоившимъ затѣямъ! Очевидно, все эти его лодки и вагоны были ни къ чему негоднымъ и никому ненужнымъ хламомъ... Такъ защищалась Лида передъ самой собой. Впрочемъ, хотя Лида и оправдывалась довольно краснорѣчиво, но все-таки она была не настолько глуха, чтобы не слышать непріятнаго для нея голоса, внушительно рассказывавшаго ей трогательную и печальную повѣсть о больномъ, несчастномъ старикѣ и его безжалостной, неблагодарной дочери...

И она не разъ порывалась пойти къ отцу, но каждый разъ при одномъ видѣ ея старикъ такъ волновался и такъ жалобно просилъ Филиппа не пускать ее, что Лида, опасаясь повторенія апоплексическаго удара, должна была, надувъ губы, моментально ступевываться изъ комнаты. Дѣвушка все болѣе и болѣе начинала раздражаться, видя такое отношеніе къ себѣ со стороны отца...

„Я виновата только тѣмъ, что не дала обобратъ себя, какъ дуру!—говорила она себѣ.—Ну, и пускай они сердятся...“ Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно думать, что отецъ заболѣлъ изъ-за нея. Лида помнитъ, какъ кто-то однажды говорилъ о томъ, что у ея отца—очень короткая шея, что онъ—полнокровенъ, что ему надо быть осторожнымъ,—однимъ словомъ, говорили о томъ, что онъ „по натурѣ“ расположенъ къ апоплексіи. Она отлично помнитъ этотъ разговоръ... И Лида стала успокаиваться.

Люди, себялюбивые, легкомысленные, скользящіе по поверхности мысли и чувства, какъ бабочки, равно безпечно порхающія и надъ навозной кучей и надъ великолѣпной, пышной розой, умѣютъ заглушать въ себѣ укоры совѣсти или, по крайней мѣрѣ, находятъ возможность не прислушиваться къ этимъ укорамъ...

Свѣжее пятно на свѣтломъ платѣ на первыхъ порахъ непріятно бросается въ глаза, но глазъ можно такъ приучить къ этому пятну, что впечатлѣніе отъ него будетъ все болѣе и болѣе тускнѣть и то же самое черное пятно, въ дѣйствительности нимаю не измѣнившееся, станетъ казаться все блѣднѣе и блѣднѣе...

VII.

Въ комнатѣ—тишина и полусвѣтъ...

Филиппъ стоитъ въ ногахъ у больного, опершись локтями на край кровати.

Старикъ какъ будто бы что-то припоминаетъ и, широко раскрывъ глаза, вопросительно, съ недоумѣніемъ смотритъ на сына. Сегодня ему хуже и говорить тяжело...

— Чего тебѣ?—спрашиваетъ Филиппъ, уловивъ его тревожный взглядъ.

— Пора собираться... пора тебѣ ѣхать... Ты что жъ?—лепечетъ старикъ.

— Нѣтъ, не пора!—отвѣчаетъ юноша.

— Какъ?.. А которое число... сегодня?

— Осьмое августа...

— Пора, пора тебѣ...—бормочетъ старикъ, безпокойно ворочая головой по подушкѣ.—Опоздаешь...

— Я, отецъ, никуда не поѣду!—говоритъ ему Филиппъ.

— А-а... а въ Петербургъ?—съ трудомъ выговариваетъ больной.

— Я останусь съ тобой!

— Какъ же... какъ же это?..—бормочетъ старикъ.— Нѣтъ, ты поѣзжай... Безъ тебя похоронять...

— Хоронить тебя еще не собираются, поэтому ты объ этомъ не безпокойся!.. А я, вотъ, хочу взять мѣсто сельскаго учителя, и будемъ мы жить съ тобой! Ты въ деревнѣ скорѣ поправишься, и вообще тебѣ въ деревнѣ будетъ лучше...—рѣшительно и твердо проговорилъ Филиппъ, какъ человѣкъ, чувствующій себя хозяиномъ своего положенія.

Старикъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ, и молча, пристально смотрѣлъ на сына съ такимъ видомъ, съ какимъ смотритъ человѣкъ, проснувшійся въ незнакомомъ ему мѣстѣ и увидѣвшій передъ собой новое лицо. И въ это мгновенье, словно, яркій солнечный лучъ пронизалъ окутывавшій его мракъ. Старикъ, смотря на сына, оживалъ душой...

Филиппъ отказывается отъ своихъ, давно составленныхъ плановъ, отступаетъ отъ своихъ намѣреній и остается съ нимъ—ради него...

Вмѣстѣ съ этимъ отраднымъ сознаниемъ старикъ почувствовалъ притокъ жизни,—почувствовалъ, какъ будто новыя, свѣжія силы вливались въ его слабое, немощное тѣло. Глаза его наполнились слезами... До сихъ поръ онъ не зналъ сына! Расточая Лидѣ всю свою нѣжность и любовь, онъ ни разу не приласкалъ Филиппа... Своею холодною, придирками и ворчаньемъ онъ отравлялъ сыну существованіе,—конечно, по мелочамъ, въ пустякахъ, но систематично, изо дня въ день, на каждомъ шагѣ...

Старикъ не могъ говорить и, молча, поманилъ къ себѣ сына. Тотъ подошелъ къ нему и наклонился, не понимая—въ чемъ дѣло... Старикъ съ трудомъ поднялъ свою слабую, дрожащую руку и положилъ ее Филиппу на голову.

Старикъ гладилъ сына по головѣ, а по блѣднымъ, морщинистымъ щекамъ его тихо катились слезы...

Филиппъ сталъ хлопотать о мѣстѣ сельскаго учителя, но хлопоты оказались неудачны. Тогда онъ быстро принялъ другое рѣшеніе... Ему ужъ давно хотѣлось сдѣлаться крестьяниномъ, жить въ деревнѣ... „Тому, значить и быть!“

Въ тридцати верстахъ отъ города, въ деревнѣ Раменьѣ, были у него знакомые крестьяне. Онъ найметъ тамъ избу, заведетъ корову, лошадь, овецъ, куръ, сниметъ у крестьянъ клочекъ земли и станетъ самъ работать на этой землѣ. Въ видѣ подспорья заведетъ еще кузницу, а зимой будетъ столярничать. Лучше быть самому хозяиномъ, чѣмъ оббивать пороги канцелярій и задыхаться въ канцелярской пыли.

Старикъ былъ на все согласенъ. Прежде онъ не сходился съ сыномъ во взглядахъ, а теперь иногда, слушая Филиппа, въ глубинѣ души онъ начиналъ сомнѣваться: на его ли сторонѣ правда? не ошибался ли онъ?.. „Въ деревню, такъ и въ деревню! Отлично!“—говорилъ про себя старикъ. Онъ знакомъ съ тамошнимъ священникомъ... Славный человекъ—этотъ батюшка,—рыболовъ... будетъ ему товарищемъ!.. „Раменка—рѣка хорошая... правда, не особенно широкая, но рыбки въ ней много“...

Сказано—сдѣлано...

Придя прощаться въ розовый домикъ, Филиппъ засталъ Никиту въ мастерской. Онъ объявилъ пріятелю, что хочетъ

„крестьянствовать“, и тотъ, не отрываясь отъ своего рубанка, сказалъ:

— Ну, что жъ! Не хуже!..

И пожелалъ Филиппу всякаго благополучія.

Потомъ Филиппъ прошелъ къ Настѣ въ огородъ. Дѣвушка сидѣла за книгой. Поговорили о томъ, о семъ...

— Настя! Знаете, что я хочу сказать вамъ? — вдругъ, какъ бы нѣсколько смутившись, заговорилъ Филиппъ.

— А что вы мнѣ скажете? — шутливо отозвалась дѣвушка.

— Женитьба, что тамъ ни говори, связываетъ человѣка, мѣшаетъ... по крайней мѣрѣ, иногда! — сказалъ онъ. — Я бы, по крайней мѣрѣ, не могъ и подумать скоро жениться... Я много думалъ объ этомъ... Конечно, я еще молодъ... но, главное, — знаете! — когда есть дѣло на рукахъ, тогда лучше быть одному...

— Съ чего вы объ этомъ заговорили? Женять васъ, что ли? — со смѣхомъ перебила его дѣвушка, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на него.

— Нѣтъ, не женять... я не къ тому... а дѣло, видите, въ томъ...

Филиппъ запнулся, еще пуще смутился, покраснѣлъ и вдругъ, сжавъ кулакъ, съ силою опустилъ его на столъ.

— Но если я когда-нибудь вздумаю жениться, Настя... такъ вотъ — честное слово! — я женюсь на васъ! — залпомъ проговорилъ Филиппъ...

— Вотъ тебѣ разъ! — съ величайшимъ изумленіемъ промолвила Настя, посмотрѣвъ на своего собесѣдника, и весело расхохоталась. — Господи! Какой же вы еще ребенокъ, Филиппъ Александровичъ!

— Позвольте узнать... Что жъ такого ребяческаго вы находите во мнѣ? — откашливаясь и нахмуривъ брови, спросилъ ее Филиппъ, какъ бы слегка обидившись.

— Да какъ же! Чуть не собираетесь жениться на мнѣ, а сами еще не знаете: я-то пойду ли за васъ замужъ! Вы почему знаете, что я соглашусь?..

Теперь Филиппу пришла очередь недоумѣвать.

— То-есть... какъ это?.. Почему же вы не согласились бы? — спросилъ онъ, растерявшись: вслѣдствіе хорошихъ, дружескихъ отношеній съ дѣвушкой Филиппу почему-то представилось, что отказа съ ея стороны и быть не можетъ...

— Да вотъ именно потому, что я не рѣшилась бы связывать васъ... — проговорила Настя, ласково смотря на юношу.

— Да-а-а! Только потому?..—протянул тотъ, вопросительно смотря на Настю.

— Да и вообще все это вышло какъ-то странно...—замѣтила дѣвушка.—Мы были друзьями, но до сихъ поръ мы о любви ничего не говорили...

— А для чего же о ней говорить? Развѣ это необходимо нужно!—прошепталъ Филиппъ, покраснѣвъ до корней волосъ.—Вѣдь это въ книгахъ размазываютъ всякую чепуху.. А я что жъ стану говорить? Вѣдь вы знаете, что я васъ уважаю и... люблю! Я думалъ, что и вы тоже... мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось... Скажите, Настя! (Филиппъ поднялъ голову и не безъ труда заставилъ себя взглянуть на дѣвушку). Скажите! Вѣдь вы любите меня? Правда?

— Правда!—тихимъ, тихимъ шепотомъ промолвила Настя.

— Вотъ то-то же!.. О чемъ же еще тутъ толковать!—глубоко вздохнувъ, проговорилъ Филиппъ.

— А потомъ еще вотъ что... Вы еще очень молоды, Филиппъ Александровичъ... вы сами говорите! — сказала Настя.—Я гораздо старше васъ... лѣтъ на пять старше... Старуха!

— Вы—старуха!—иронически замѣтилъ Филиппъ, любуясь на Настю.—Ну, полноте...

Дѣвушка низко наклонилась надъ книгой.

— Ну, все-таки чтò я сказалъ,—сказалъ!—проговорилъ молодой человѣкъ.—А теперь—прощайте, Настя!

Дѣвушка не успѣла подняться со скамейки, какъ Филиппъ быстро наклонился и поцѣловалъ ее...

— Видаться же будемъ! Вѣдь вы станете пріѣзжать въ городъ?—спрашивала Настя, провожая его до калитки.

— Конечно! — отвѣтилъ Филиппъ. — А лѣтомъ вы къ намъ—на сѣнокосъ!..

— Прощайте, Филиппъ Александровичъ! Не забывайте насъ!—крикнула дѣвушка ему въ слѣдъ.

„Однако, какъ мы къ нему привыкли! Намъ будетъ скучно безъ него!“—говорила себѣ Настя, прижавъ руку къ груди и прислушиваясь къ усиленному бѣненію своего сердца... *Имъ безъ него* будетъ невесело въ длинные осенніе и зимніе вечера, и не разъ въ медлительно идущіе часы осенняго ненастья и студеныхъ, зимнихъ ночей *вспомнутъ* о Филиппѣ въ розовомъ домикѣ... и *скажутъ* про себя: „Гдѣ-то онъ, милый, теперь? Какъ-то поживаетъ онъ на новомъ мѣстѣ?...“

Вскорѣ послѣ Успеньева дня, незадолго до свадьбы Лиды, старикъ съ сыномъ уѣхалъ въ деревню, предоставивъ домъ и все, что было въ немъ, въ полное распоряженіе дочери. Передъ отъѣздомъ старикъ Шатровъ простился съ Лидой. Но, по истинѣ, было ужасно это прощанье. Отецъ съ дочерью встрѣтились, какъ чужіе. Она поцѣловала у него руку, онъ прикоснулся губами къ ея лбу.

— Прощай, папа!

— Прощай, Лида! Живи! Богъ съ тобой!..

И только!.. А старикъ въ теченіе двадцати лѣтъ каждый день утромъ и вечеромъ, бывало, прижималъ къ своей груди эту дѣвушку и, благословляя, цѣловалъ ее... На человѣка, знавшаго все происшедшее за послѣднее время въ шатровскомъ домѣ, эта сцена прощанья отца съ дочерью произвела бы болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ многія выдуманныя драмы съ королями и принцессами въ главныхъ роляхъ. Движенія, словъ, „игры“—въ смыслѣ эффектовъ,—было мало въ этой сценѣ, но смыслъ ея былъ глубоко-трагиченъ...

Волоча одну ногу и стуча костью, старикъ побрелъ изъ дому. Онъ круто отвернулся отъ Лиды, и та даже не замѣтила, что на глазахъ его блестѣли слезы...

Въ концѣ сентября Филиппу пришлось по дѣламъ побывать въ городѣ.

Когда онъ въ сумерки подходилъ къ родному дому, на душѣ у него стало какъ-то смутно, грустно,—какъ будто онъ увидалъ своего стараго, дорогого друга при обстоятельствахъ, измѣнившихъ къ худшему для его друга.

Сентябрскій день выпалъ ненастный. Моросилъ дождь, желтый листъ слеталъ съ деревьевъ въ шатровскомъ саду и вѣтеръ съ печальнымъ шумомъ раскачивалъ ихъ полуобнаженные вершины. Сѣрые облака низко ходили по небу. Даль темнѣла...

Сбросивъ въ передней пальто, Филиппъ вошелъ въ ярко освѣщенную залу и невольно прищурилъ глаза.

— Что за чортъ!—сорвалось у него съ языка.

Лида въ изящномъ сѣромъ платьѣ съ розовой отдѣлкой, очень мило причесанная, стояла среди пустой залы, озаренная свѣтомъ лампы.

Филиппъ сразу замѣтилъ, что въ ихъ старомъ домѣ поселились „новые боги“ и произошли разныя перемѣны. Въ залѣ появился свѣтлый обои съ золотымъ бордюромъ, новая

„шикарная“ мебель и, вмѣсто скромныхъ гераней, жасминовъ и китайскихъ розановъ, какія-то большія растенія далеко распростирали свои темно-зеленые, крупные, лапчатые листья. Все было безукоризненно чисто, „какъ въ Голландіи“, (отмѣтилъ про себя Филиппъ съ усмѣшкой); полъ блестѣлъ, какъ стекло...

— Что у тебя сегодня за праздникъ?—спросилъ Филиппъ, здороваясь съ сестрой.

— Никакого праздника нѣтъ, а гости у насъ сегодня будутъ!—отвѣтила ему Лиди, искоса посмотрѣвъ на его ситцевую, поношенную рубаху и на длинные, грязные сапоги.

Сегодня у Лиды—первый званый вечеръ...

— Тутъ у меня еще осталась въ отцовскомъ кабинетѣ связка книгъ... Дай мнѣ ихъ, пожалуйста!—сказалъ Филиппъ, преспокойно усаживаясь на новенькую, щегольскую козетку. — Уфъ, усталъ... Да потомъ... я захелъ узнать: не было ли писемъ на мое имя?

— Есть два письма!.. Я сейчасъ ихъ принесу...—отозвалась Лиди, спѣша отдѣлаться отъ своего неожиданнаго, грязнаго посѣтителя.

— И книги, пожалуйста! Не забудь...—крикнулъ ей Филиппъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Лиди возвратилась съ письмами (книги оставила въ передней), и съ непритворнымъ ужасомъ увидала, что Филиппъ уже скрутилъ папиросу и курить, въ задумчивости сбрасывая пепель на полъ—„по своей дурацкой привычкѣ“.

— Ну, вотъ, ладно...—сказалъ онъ, беря отъ нея письма и внимательно просматривая почтовые штемпеля на конвертахъ.

Лиди сѣла съ нимъ рядомъ на козетку, поставивъ предварительно пепельницу на сосѣдній столикъ и позаботившись принять всѣ мѣры предосторожности для того, чтобы Филиппъ не коснулся сапогами ея изящнаго платья. Филиппъ обернулся и поглядѣлъ на нее.

— Какая ты, однако, нарядная!—съ улыбкой проговорилъ онъ, смотря на сестру. —Фу ты—ну ты!.. Впрочемъ, я и забылъ... Ты, вѣдь, Лидочка, теперь дама! Да, да!.. Такъ! Настоящая, подлинная дама—изъ Амстердама!..

Лиди съ кислымъ видомъ усмѣхнулась. „Отъ моего брата ничего, кромѣ глупостей, не дождешься!“—говорила ей усмѣшка.

— А гдѣ Васька?—спросилъ Филиппъ.

— Какой еще Васька?.. Ахъ, да — котъ! Его отдали куда-то... Я вѣдь кошекъ не люблю!—отвѣтила ему сестра.

— Бѣдный Васька!—промолвилъ Филиппъ.—А вотъ чтò, Лида... Не могу ли я сегодня пріютиться у тебя?—спросилъ онъ, безцеремонно протягивая ноги.

— Ужъ не знаю, право... какъ тебѣ сказать?—заговорила Лида, все взглядывая на его деревенскій, рабочій костюмъ. Въ прежней отцовской комнатѣ мужъ устроилъ себѣ кабинетъ... (онъ теперь занимается тамъ... спѣшитъ! Отчеты у него теперь...) Въ твоей комнатѣ—его спальня. Ну, я осталась въ своей...

Дѣло въ томъ, что у нея сегодня вечеръ; будутъ два знакомые члена окружного суда, товарищъ прокурора, акцизные (товарищи мужа, очень приличные молодые люди), адъютантъ жандармскаго полковника, два-три офицера, нѣсколько барышень и дамъ, между прочимъ, общала быть и сама мадамъ Стречкова, племянница губернаторши. Первый вечеръ!.. И Лидѣ хотѣлось пустить пыль въ глаза своимъ прежнимъ подругамъ, хотѣлось блеснуть, сверкнуть... А тутъ пришлось бы знакомить Филиппа, представлять его (въ такомъ-то видѣ!) м-ше Стречковой... „Рекомендую, мой братъ!“ Скандаль!..

— Такъ какъ же, Лидочка?—повторилъ Филиппъ.

— Да что жъ мы сидимъ здѣсь! Пойдемъ лучше въ столовую!—предложила она, какъ бы не дослышавъ его вопроса.

Лида засуетилась, взглянула на свои маленькіе золотые часы и обезпокоилась не на шутку: въ провинціи у насъ на вечеръ иногда собираются рано,—и черезъ часъ, черезъ полчаса къ Лидѣ уже могъ кто-нибудь пожаловать... А въ залѣ у нея, между тѣмъ, сидитъ не то мужикъ, не то мастеровой! *Que dira madame Streschkoff!*..

— Зачѣмъ же—въ столовую! Все равно...—лѣниво протянулъ Филиппъ, „ужасно“ дымя папирасой.

— Вѣроятно, уже скоро будутъ съѣзжаться!—замѣтила Лида.

— Ахъ, вотъ чтò!..—съ улыбкой промолвилъ Филиппъ, оглядывая залу.

Лида вспыхнула и губы ея непріятно передернулись.

— Я хотѣла еще сказать тебѣ, Филиппъ...—съ вѣдшимъ неудовольствіемъ заговорила она, передвигая на ру-

браслетъ.—Очень неловко, что письма тебѣ адресуютъ на мой домъ... Мы не знаемъ: какіе у тебя тамъ знакомые и что у тебя съ ними за дѣла... Ужъ ты, пожалуйста, избавь насъ отъ этихъ писемъ и отъ всякихъ посылокъ!..

— Успокойся, Лидочка! Въ Сибирь изъ-за меня не уйдешь!—съ улыбкой сказалъ Филиппъ.—Я ужъ далъ знакомымъ свой деревенскій адресъ...

— Да мнѣ-то что!.. Я не боюсь нисколько... въ твои дѣла не вмѣшиваюсь!—отозвалась Лидка.—А мужу непріятно... Онъ—человѣкъ служащій, да и вообще, признаться, такимъ идеямъ онъ не сочувствуетъ...

— Какимъ идеямъ, Лидочка? — озадаченнымъ тономъ спросилъ ее братъ.

— А вотъ такимъ... мужицкимъ!—отвѣтила Лидка.

Филиппъ всталъ и съ чисто дѣтскимъ злорадствомъ и задоромъ швырнулъ на полъ посреди залы папиросный окурокъ.

— Прощай! Вѣроятно, мы съ тобой больше не увидимся... дороги наши расходятся! Ты — барыня, я — мужикъ...—говорилъ Филиппъ, натыгивая въ передней пальто и беря подъ мышки связку книгъ.—А объ отцѣ ты ничего не спросишь?..—замѣтилъ онъ, взявшись за ручку двери.

— Да что жъ! Вѣдь онъ здоровъ теперь...—сухо промолвила Лидка.—Передай ему отъ насъ поклонъ и скажи...

— Нѣтъ, Лидка! Отъ тебя я ничего не передамъ ему... и ничего не скажу!—проговорилъ онъ, уходя, и дверь родного дома въ послѣдній разъ захлопнулась за нимъ.

— Дуня, Дуня! Подметите здѣсь поскорѣе!—кричала Лидка и, пока горничная подметала папиросный пепелъ, барыня подошла къ окну и посмотрѣла на улицу.

Филиппъ уже скрылся въ надвигавшемся сумракѣ ненастнаго осенняго вечера, и Лидка увидала во мракѣ лишь красные огоньки фонарей, мерцавшіе изъ-за безлиственныхъ вѣтвей деревьевъ... Филиппъ ушелъ,—и на блестящемъ фонѣ ея собранія онъ уже не явится темнымъ пятномъ... „У меня никогда не было съ нимъ ничего общаго!“ оправдываясь и успокаивая себя, думала Лидка. Но, вѣдь, съ отцомъ-то у нея было много общаго!.. Вотъ на этомъ-то пунктѣ Лидка каждый разъ и запиналась...

Филиппъ провелъ вечеръ у старыхъ друзей въ розовомъ домикѣ. Тамъ были ему рады, тамъ онъ никого не стѣснялъ... Филиппъ много и оживленно говорилъ, рассказывалъ о своемъ новомъ житіѣ-бытіѣ, но Настя замѣтила, что онъ не веселъ.

— Къ сестрѣ заходили?—спросила она Филиппа.

— Заходилъ!—лаконически отвѣтилъ тотъ, крѣпко сжавъ губы.

Деревня уже давно тянула его къ себѣ. Теперь его заветное желаніе исполнилось... Онъ былъ счастливъ,—и только воспоминаніе о Лидѣ омрачало въ тѣ минуты свѣтлое настроеніе его духа. Чѣмъ болѣе вспоминалъ онъ взгляды и тонъ голоса сестры въ разговорѣ съ нимъ, тѣмъ сильнѣе начинала бушевать буря въ его молодомъ, горячемъ сердцѣ... И ему думалось: А что, если бы онъ возвратился теперь къ сестрѣ и при гостяхъ крикнулъ бы ей въ лицо: „Ты—пошлая, дрянная, мелочная женщина! Ты—жалкая!..“ Вѣроятно, она упала бы въ обморокъ, какъ дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ „порядочныя“ свѣтскія дамы!.. А его, вѣроятно, гости сочли бы за сумасшедшаго...

Хозяева розоваго домика упрашивали Филиппа переночевать у нихъ, но Филиппъ, несмотря на мужиковатость и грубость манеръ, былъ человѣкъ очень застѣнчивый и деликатный... Онъ ночевалъ на постояломъ дворѣ и на слѣдующій день возвратился „домой“, въ Раменье.

Сентябрскій день, послѣ продолжительнаго ненастья, выдался ясный и теплый.

Филиппъ засталъ отца на лавочкѣ у избы. Старикъ грѣлся на солнышкѣ и, сгорбившись, задумчиво чертилъ что-то по землѣ костылемъ.

— А-а! Воротился!—сказалъ онъ весело, увидавъ подходившаго сына.—Ну, что? Дѣла устроилъ?

— Да! Все обдѣлалъ!—отвѣтилъ Филиппъ, бросивъ связку книгъ на крыльцо и присаживаясь на лавочку рядомъ съ отцомъ.

Филиппъ снялъ фуражку, вытеръ вспотѣвшій лобъ и посмотрѣлъ вверхъ. Синее, глубокое, безоблачное небо раскидывалось надъ его головой. Ключья золотистой соломѣ свѣшивались со стрехи. Воробьи чирикали, прыгая по плетню. Миръ и тишина—вокругъ... Филиппъ посмотрѣлъ на избу, на раскрашенныя ставеньки оконъ и, вспомнивъ вчерашній пріемъ сестры, сказалъ себѣ: „Вотъ гдѣ теперь—мой настоящій домъ!“

— А ее видѣлъ? Какъ она поживаетъ?—пробормоталъ старикъ.

— Кто? Лиды?—переспросилъ Филиппъ и тутъ же отвѣтилъ:—Нѣтъ у тебя больше дочери!

— Какъ? Что съ ней?—встрепенулся старикъ, съ тревогой посмотрѣвъ на сына.

— Не бойся, не бойся!—отозвался тотъ.—Она жива и здорова... Только для тебя она пропала...

— Ну... зато я сына нашелъ!—пролепеталъ старикъ такъ тихо и безсвязно, что Филиппъ не дослышалъ и переспросилъ.

Но старикъ промолчалъ...

— Не станемъ, отецъ, больше говорить объ этомъ!—сказалъ Филиппъ.

— Не станемъ!—покорно согласился старикъ.

Легко сказать: „не станемъ говорить!“, но трудно исполнить такое рѣшеніе... Трудно не говорить, но еще труднѣе не думать о томъ, что у тебя болитъ... Тяжело разставаться съ давно лелѣянной мечтой: еще тяжелѣе вычеркивать изъ числа людей близкихъ человѣка, еще недавно милаго и дорогого... Старикъ слегка вздрогнулъ; словно, откуда-то холодомъ потянуло на него... Конечно, теперь ему жилось хорошо, спокойно; физическія силы помаленьку возвращались къ нему, душевная рана его затягивалась, но... затянется ли она совсѣмъ когда-нибудь? По крайней мѣрѣ, въ ту минуту, сидя рядомъ съ Филиппомъ, онъ чувствовалъ вокругъ себя какую-то неприятную пустоту... Черезъ нѣсколько минутъ старикъ уже забылъ свое рѣшеніе—не говорить о ней...

— Помню: уже давно, давно...—заговорилъ онъ, уносясь мечтой въ воспоминанія и какъ бы продолжая думать вслухъ.—Она тогда была еще совсѣмъ маленькой... Помню: сидитъ разъ у меня на рукахъ, схватила меня рученками за шею, припала щекой къ моему лицу... такъ ласково... и говоритъ... (Блаженная улыбка при этихъ словахъ озарила лицо старика). Говоритъ: „Папа, ты—мой! И мы... мы...“

Голосъ оборвался,—и старикъ вдругъ замоталъ головой, какъ бы подъ вліяніемъ нестерпимой, жгучей боли...

Филиппъ съ грустью посмотрѣлъ на него.

Прошло нѣсколько минутъ...

Старикъ опять сгорбился и, низко понуривъ голову, задумчиво чертилъ по землѣ костылемъ...

П. Засодимскій.

К о н е ц ъ.